Ведьма. Эзотерическая книга, которая переворачивает представление о женщинах!

Автор:
Роман Коробенков

Ведьма. Эзотерическая книга, которая переворачивает представление о женщинах!

Роман Коробенков

Книга тайных смыслов

«Ведьма» Романа Коробенкова – глубокая эзотерическая, тотемная книга, приоткрывающая тайну женской сущности и возвращающая к истокам самого мироздания. Эта книга – многослойный торт, вишенкой на котором окажется почти невесомый, «тонкий» мир ощущений и эмоций.

Природная женская энергия, закрытые практики, вовлекающие в таинство женского восприятия, вплетены в паутину множества реальностей, которые создал автор.

«Психология между строк» – новая форма подачи метасообщений, которые оценят «искатели смыслов». Позвольте себе «медленное чтение»: отпустите ситуацию и дайте возможность строчкам самостоятельно занять место в вашем сознании.

Фокус в том, что вы можете открыть книгу на любой странице и прочесть любое предложение – оно почти наверняка будет афористичным. В этом магия «Ведьмы», в этом ее особый путь. Эта книга – «зеркало восприятия», а ведьма, владеющая сакральными практиками, есть в каждой женщине. Эта книга выпустит на свободу данную женщине силу.

Роман Коробенков

Ведьма. Эзотерическая книга, которая переворачивает представление о женщинах!

© Коробенков Р., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Книга, которую нужно читать с карандашом в руках

Мы живем в странную эпоху

Перед каждым из нас открыты практически безграничные возможности в образовании, личностном росте и самореализации. И в то же время происходит тотальное обесценивание времени. Мы готовы тратить его на сериалы, «листание» ленты социальных сетей, на любые современные устройства, называемые фонетически неприятным словом «гаджеты». Книги больше не конкурируют с книгами. Книги борются за наше время. Именно поэтому о литературных произведениях, которые способны увлечь читателя в черно-белые текстовые джунгли, действительно нужно говорить!

«Ведьма» Романа Коробенкова – это событие в современной литературе, тотемная книга, повествующая о женской сущности и возвращающая к истокам самого мироздания.

Не бойтесь немного гнетущей атмосферы, в которую автор погрузит вас по ходу действа

Так надо, так задумано: ощущение – как от «американских горок», когда вроде бы страшно и опасно, но в глубине души ты понимаешь, что едешь по давно проложенным рельсам и твои эмоции вполне ожидаемы. Твои глаза открыты,

для тебя все ново, а автор лишь еле заметно улыбается – ведь все идет своим чередом.

Читайте «Ведьму» безмятежно!

Не пытайтесь чрезмерно сосредоточиться. Вспомните старые сборники объемных изображений, которые были популярны в конце 90-х. В них, чтобы увидеть картинку, не нужно было напряженно всматриваться. Ключ состоял в отрешенном, можно сказать, «общем» взгляде. – Так и здесь.

Отпустите ситуацию и позвольте строчкам самостоятельно занять место в вашем сознании. Фокус в том, что вы можете открыть книгу на любой странице и прочесть любое предложение – оно почти наверняка будет афористичным. В этом магия «Ведьмы», в этом ее особый путь.

Выходите за границы привычного

Книга вышла в редакции, которая специализируется на нон-фикшн литературе, и публиковать художественные произведения не в ее правилах. Но ведь практически нет правил без исключений! «Ведьма» начала нарушать правила уже на самом старте своего пути, являясь ярким примером не жанровой прозы, но многогранной, не вписывающейся ни в какие рамки. Отчасти в этом заключается одна из ценностей этой книги и ее сакральный смысл.

Лучшие книги – те, после которых появляются свежие идеи

Вам предстоит стать участником невероятной игры, настоящего пасьянса из историй, каждая из которых способна показать, научить, натолкнуть! «Ведьма» может стать настольным произведением, с которым можно советоваться, столкнувшись с непростыми жизненными ситуациями.

Лучшие книги – те, после прочтения которых ты начинаешь делать что-то по-другому. Если изменил что-то в жизни и заметил улучшение – хорошая, значит, была книга, полезная. А если просто полистал и на идейно-эмоциональном уровне абсолютно все осталось по-прежнему, то личностного роста не жди! Развлечение – может быть, выход на новый уровень – нет. У меня есть правило: рекомендовать только те произведения, которые способны изменить жизнь.

«Ведьму» можно рекомендовать каждому, кто может назвать себя «искателем». Тому, кто испытывает неутолимую жажду знаний, умеет и любит рассматривать жизненные ситуации, не привязываясь к одной точке зрения, а главное, больше слушает, чем говорит. И действует стремительно.

Если вы из «искателей», то, вероятно, уже проверили мое высказывание на счет «цитаты на любой странице». Ну что же, это означает только то, что ваше путешествие уже началось.

В напутствие скажу, что вы ощутите себя настоящим книжным гурманом, если сфокусируете свое внимание после прочтения «Ведьмы» на том послевкусии, которое она оставляет. Вы закроете книгу, когда дочитаете до финальной точки, но наверняка еще на какое-то время «останетесь» в ней. Не спешите расставаться с этим шлейфом. Он улетучится через какое-то время, так что попробуйте за него зацепиться, как за таящий в лучах утреннего солнца приятный сон. Это был приятный сон. Я рад, что вам только предстоит его увидеть.

Алекс Новак,

автор книг по саморазвитию

Ведьма

«…каждый человек где-то в глубине души хранит кладбище тех, кого он любил…»

Из бескрайних просторов Сети

Действующие лица

Апрель (Апрель), бубна, шатенка, карие глаза, самая высокая, субтильная, умна во вред себе

Несусвета (Светлана), треф, брюнетка, синие глаза, плотного сложения, разрушительный темперамент

Интрига (Инна), черви, блонд, голубые глаза, самая миниатюрная интриганка

Анестезия (Настя), пики, брюнетка, зеленые глаза, худосочна, и с манией постоянной трансформации

Липа (Липа), блонд, черная королева, голубые с оттенками глаза, инструктор по фитнесу, высокочастотная стерва

Вселенная (Елена), волосы цвета кофе, темные глаза, белая королева, самая красивая, характер – перечная мята

Арсений (Аркадий) – главный герой в двух ипостасях (как «я» и метафизическое «я»)

Глава 1. Бесхозный принц

Шесть девушек с прекрасными телами собрались в просторной квартире с малым количеством мебели и удивительно высокими окнами. Девушки, лениво переговариваясь, попивали красное сицилийское вино, кое-кто покуривал длинные тонкие сигареты.

Квартира затерялась в булыжных переулках сердца столицы. Третий этаж ее летом открывал вид на текучие потоки влюбленных, приезжих и иностранцев, а сейчас – на исчерченную хлестким дождем гравюру Камергерского переулка, безлюдного, с поникшими матерчатыми крышами бесчисленных кафе. Дождь казался настолько сильным, что прокрадывался ласковой музыкой сквозь тугие пластиковые рамы, подогревая и без того взвинченную психику утомленных походами по ночным заведениям нимф.

Раннее утро уже оформилось рассветом и теперь разливалось прохладным теплом цвета березового сока.

Настроение у девушек было томным – молодых людей в эту ночь было достаточно, чтобы каждая почувствовала себя королевой, но и успела слегка устать, вдоволь потешив высокомерие и утолив женское тщеславие.

Легко летело вино, быстро и страшно медленно крутились стрелки часов, времени казалось и много и мало. Лайкровые ступни вальсировали в разные стороны, измеряя углы и расстояния комнат, будто машинально. Броские вечерние платья, словно в карточной партии, схватывались в неравной битве красного с черным: безумных червей с коварными пиками, эмоциональных бубен с загадочными крестями. Как отыгранные и забытые шахматные фигуры, возле входной двери привалились друг к другу диковинные туфли гражданок, удивительные в своей непохожести.

И девушки были абсолютно разными, как будто их специально так подбирали. Они по-разному реагировали, у каждой был свой собственный хаос легких тонких движений и тяжелых мыслей. И даже усталость по-разному мелькала незатейливой рыбкой в аквариумах их прекрасных глаз – одной придавая философскую задумчивость, в другой проявляясь суровой утомленностью.

А звали их (и это было отражено в паспортах) так:

анЕстезия Данилова,

Инна Трига,

ВсЕЛЕНнАя П.,

Апрель Лоскутова,

Света Несу,

Липа Чёртова.

То тут, то там в погруженной в полумрак квартире слышались разговоры:

– Почему вы расстались?

– Он сравнил меня с бутылкой… – обычное меццо-сопрано эмоционально взвилось вдали сопрано.

– Не поняла… – продолжало мягко выпытывать мятное контральто.

– Зачем ты ведешь себя как бутылка. Так он сказал… – Снова голос негодующе взлетел в начале фразы и рухнул в конце.

– Не понимаю… – повеяло, точно теплым бризом.

– Когда бутылка падает, она делает все, чтобы разбиться, как бы ты ни пытался ее ловить. Если она потеряла равновесие, значит, четыре шанса из пяти, что разобьется. Он сказал, что когда между нами начинается разлад, я веду себя так же… Как бутылка!.. Будто он один заинтересован в наших отношениях… – распалилась одна из девушек, та, что с меццо-сопрано. Ее рубинового цвета короткое платье с узким шелковым лифом и еще более узким атласным низом

храбро взметнулось, меняя узор сплетенных длинных ног. Она определенно выглядела дамой бубен, тогда как ее смугловатая собеседница, покачивающая сигаретой и машинально перебрасывающая копну смоляных волос, явно олицетворяла даму треф.

– И из-за этого расстались? – не торопясь и вдумчиво, вместо вина потягивала она чужие откровения.

– Ты бы не обиделась, если бы тебя сравнили с бутылкой? – изогнулись и распрямились соболиные брови. – Или еще: достучаться до тебя – все равно что голыми руками ловить вертолетную лопасть. Во как…

– Не знаю, Апрель… Вроде он не совсем то имел в виду… – произнесло контральто.

– Может быть… Тем не менее звучало это обидно, и я приняла решение.

– Не грустно теперь?

– Наверное, жалею. Точнее – и жалею и не жалею. Никому не позволю унижать себя.

– Мне как-то говорили нечто подобное… Только другими словами. Зачем ты ведешь себя как малолетка, сказал мне один человек. Я не обиделась, просто начала задумываться о своем поведении. Мужчина в расцвете сил, даже судя по его метафорам…

– Это не одно и то же, Света… – прервала ее собеседница, рассердившись.

– Познакомь нас, раз он уже перевернутая страница в твоей книге, – явно шалила дама треф. – Люблю мужчин, изъясняющихся гиперболами.

– Еще чего… – гневно фыркнула Апрель.

Девушки, поутру баловавшиеся диалогом, облюбовав юными ягодицами мраморную плоскость широкого подоконника, лениво поглядывали на пенящийся от дождя Камергерский переулок и обводили зрачками сумрачный

периметр гостиной, где высокие арки демонстрировали свои внутренности просторной светлой кухне и длинному коридору, расписанным «белым шумом» – как помехи на телеэкране. Окно в форме широченной замочной скважины погружало их в телесный твид раннего солнца, отчего их собственная телесность приобретала расплывчатые очертания, и казалось, что на подоконнике сидят два пустых платья.

Из кухни доносился другой диалог:

– Замечательный старый дом с замечательным новым ремонтом. Не находишь? – звонко и раскатисто вырывался из горловых труб концентрированный восторг.

– Нахожу… – более спокойно соглашался кто-то, кого пока видно не было.

– Почему не пьешь вино, Елена? Оно прекрасно… – прыгал с одной темы на другую тот же голос. На его фоне тишина отчетливо резонировала и приобретала телесность даже в самые короткие паузы.

– У меня иногда болит желудок, – мягко объяснилась собеседница. – От вина. Я вообще обычно не пью. Или совсем чуть-чуть.

– А в клубе ты вроде…

– О чем сейчас сожалею. Я люблю кефир, с некоторых пор стакан кефира вечером дарует нужное состояние. – Сказанное прозвучало совсем невинно, так что звонкая девушка даже зажмурилась, «переваривая». – И не важно, каким делом предстоит заниматься…

– Прямо так? – стремительно заметался вопрос по кухне.

– Прямо так.

– Забавно…

– А именно? – что-то насторожило Вселенную в голосе собеседницы.

– Ты такая неиспорченная… – притворно вздохнула неподдельная дама червей.

– Это, наверное, хорошо? – тихо переспросила всамделишная белая шахматная королева.

– Как посмотреть, милая… – в переливе нот невысокой девушки тренькнули стервозные аккорды.

– Не думаешь, что первое впечатление может быть обманчиво?

– Не думаю… – скептичные нотки почувствовались ярче.

– А как ты относишься к тому, что здесь затеяла Липа? – С едва заметной улыбкой Елена поменяла тему беседы.

– Она всегда что-то затевает, – пожали узкие, почти прозрачные плечи. – Ее новое увлечение ведьмической культурой, по крайней мере, меня не удивляет… – В тихой паузе утонуло чирканье зажигалки. – Все ее поступки эксцентричны…

– Всегда, – колокольчиком прозвенела ее собеседница.

– Слышала, что не настолько оно и новое, – осторожно заметила девушка с темными смородинками вместо глаз, острым носиком и закушенной нижней губой. Она вообще была очень осторожной и напоминала неземной цветок, который срочно хотелось пересадить в личный вазон.

– Скучно не будет… Она позвала меня, сказав, что из массы ее знакомых я и еще кое-кто способен организовать что-то необычное. – Миниатюрная блондинка с лицом в форме сердечка и пронзительно голубыми глазами временами, казалось, падала вглубь внутреннего колодца, теряясь в колосистом поле своих стремительных размышлений.

– Я услышала о себе то же самое. – Девушки переглянулись, невольно улыбнувшись.

– А что конкретно планируется? – пустила вперед провоцирующую тишину лукавая дама червей.

– Я слышала только одно слово.

– Какое же?

– Шабаш! – Светлые обои со словами мертвого языка вздрогнули, точно вода, чтобы уже через мгновение принять прежнюю форму.

* * *

И снова:

– Не подумай, что я сошла с ума… Мне вчера приснился странный сон… – Зубастый гребень усердно и часто нырял в каштановый водопад волос темноглазой Вселенной. Она перебралась на барный стул, поддерживающий ее стройное тело, обернутое в пестрое платье в стиле смешанного «этно» с брызгами фиолетового. Теперь она тоже пила вино.

– Я вся внимание, – отозвалась Интрига, напирая на «я». Она устроилась на кухонной столешнице, открыв ноги, и дымно курила. На Интриге было надето горчичного цвета платье, искристое, с высоким воротником, без рукавов, с разрезами на бедрах, приоткрывавших соблазнительные ткани нижнего белья.

– Просыпаюсь в незнакомом месте… – Елена медленно и сосредоточенно повела рассказ. – Деревенский дом, деревянный, очень старый, мертвый, потому что дерево везде серое. Или, может быть, просто сон черно-белый… Просыпаюсь в незнакомой постели, одна. Осознаю, что дом незнакомый, озираюсь, подмечая детали, некоторые из них узнаю. Они цветные. Телефон синий. Чашка на столе – зеленая. Ржавчина на зеркале… Но в основном все чужое. Ноги несут меня прочь из дома. Отворяю потемневшие двери, выбегаю на крыльцо… – Рассказывая, она зорко и с хитрым прищуром следила за собеседницей. – А там зима… Белая, пушистая, вероятно холодно, потому что пар идет, длинный, нескончаемый. При всем этом… Не смейся! Я вдруг понимаю, что абсолютно голая. Вижу свои босые ноги, грудь, живот… И тут вижу еще что-то, что быть не может в принципе моим, но что есть и, более того, – огромное и полное крови. – Выразительный взгляд Елены смутил Интригу. Она отвела было игривый взгляд, но через секунду снова посмотрела на нее, постаравшись придать взгляду чуть больше лихости. – Да, ты поняла правильно. Как будто чужой, но растущий из моего тела, а значит… мой.

Смотрю на него, затем подхожу к краю заиндевевшего крыльца. Доски должны как будто скрипеть, но они не скрипят, потому что сон немой. А вокруг белым-бело от снега, и ничего не видать, только протяжная белизна кругом. Обхватываю руками, замираю – и начинаю пИсать и писАть… много и долго. Делаю это, уже не удивляясь, а, напротив, радуясь неожиданному приобретению… – Девушки как по команде заливисто засмеялись. – Писаю, потом понимаю, что тем самым пишу на снегу какой-то текст, несколько слов даже, пишу так аккуратно, чуть ли не с вензелями, и начинаю приглядываться. – Елена сделала значительную паузу, заняв ее осторожным глотком. – Щурюсь, разбираю, прочитываю наконец… – Она просторно улыбнулась. – И…

– И что?.. – не удержалась Интрига, чувствуя, как умные и цепкие темные глаза собеседницы плотоядно изучают ее внешность и не дают покоя, но что приятно – нет нужды прятаться и ложно скромничать.

– …и просыпаюсь! – Голова формы идеального киви, обрамленная броскими волосами цвета кофе, погрустнела лицом. – Теперь пытаюсь вспомнить, что же такое я написала. И не могу… – Чуть виноватые уголки масленых губ опять невысоко взлетели.

Правильный маленький нос ее собеседницы собрал на своей малости несколько морщинок, после чего его хозяйка еще раз заразительно рассмеялась и протянула капризно:

– Не-е-ет…

– Что? – плутовато поддразнила ее Елена, в том числе улыбкой, открывая в задорном блеске не меньше чем двадцать восемь зубов, выточенных ровно и аккуратно. В секундном просвете солнца сквозь тучные гряды ответили вспышкой детально выпестованные ферзи белого золота в фарфоровых мочках. Волосы к этому моменту до последней пряди оказались забраны в каштановый хвост.

– Ты обманываешь меня, Елена… Что ты написала? – Сквозь уши блондинки, прошивая сразу несколько мест нежного изгиба, проходили тонкие спирали, заостренные книзу и тупые сверху мелкими, искристыми бриллиантами. На левом запястье, мелко выделанные, мелькнули многочисленные карточные черви.

– Не помню, – пожала открытыми плечами девушка. – Но вспомню, потому что пока не вспомню – не успокоюсь. И обязательно расскажу.

– А ты уверена, что прочитала? – Инна невольно вжалась спиной в пластиковый фрагмент кухни… – Ну… Надпись… – Взгляд ее увлажнился.

– Уверена, – уже без улыбки твердо сказала девушка. – Более чем. Я проснулась и секунду еще помнила, а потом забыла… Но это что-то несложное, что-то осмысленное даже.

* * *

В это же время в одной из комнат:

– «Молот ведьм»? Любопытная книжка… – Еще одно меццо-сопрано прозвучало растянутыми слогами и неожиданными интонациями.

– Как любая уважающая себя ведьма, я должна знать эту книгу или просто иметь ее. – И более низкий, самоуверенный в каждой нотке голос, на правах хозяйки, категоричный в суждениях. – А лучше и то и другое!

– Зачем? – ничуть не удивившись, продолжала спрашивать Анестезия. Ее тонкие пальцы играли с книгой, разламывая в разных местах и выкрадывая кусочки текста.

– Эта книга о том, как вычислить нас, как бороться с нами. – Хищное лицо Липы пряталось в блондинистые пряди, волнами бьющиеся об острые рифы крепких плеч. – Как не забыть, кто мы есть… И о многом другом, создающем реальную опасность для ведовства. – Узкий нос с отчетливой горбинкой, холодные глаза, жесткие губы сильного рта – лицо выглядело донельзя шельмисто.

– Даже сейчас? – с глубоко скрытым сарказмом усомнилась Анестезия.

Они расположились в большом квадрате комнаты, спрятанной от света тяжелой фиолетовой портьерой.

Блондинка полулежала на краю широкой кровати формы круга, заправленной в хлесткий пурпур, окаймленный пушистыми золотыми кистями. Пронзительно лилейное платье страстно обхватывало талию, очерчивало аппетитные ноги с тяжелыми икрами и простиралось вниз – до домашних туфель. Липа демонстрировала образ белой королевы, но все, кто был с ней знаком, знали точно: она – самое что ни на есть черное высочество.

Брюнетка тем временем замерла возле книжной полки, высокой даже для таких далеких потолков. Взгляд ее наискось цепко оценивал саму себя в высоком, как и полка, трюмо сальвадоровской подтаявшей формы, заключенном в крапчатый мрамор. Закрытое черное волнистое платье слегка распахивалось и подчеркивало по-детски стройное тело с неожиданно массивной грудью. Смоляные локоны острыми спиралями подавали на лезвии общий образ дамы пик со взглядом, полным холодного огня.

– Сейчас… Нет, ныне самое удобное время для эволюции ведьмы. Произошло самое ужасное с точки зрения «Молота ведьм», – вполголоса нашептывала в потолок хмельная Липа, слушая негу собственного тела, благодарного горизонтальному положению. – Произошло то, чего более всего боялись авторы книги. В ведьм не верят, считают средневековыми выдумками, по этой причине «Молот» превратился в архаизм. Тем не менее… – Она широко и расслабленно зевнула, на миг утратив привлекательность. – Предпочитаю знать своего врага в лицо.

– Значит, ты не считаешь, что она устарела? – Брюнетка упражнялась в мимике, кропотливо фиксируя реакции в честном стекле, пальчики во французском свете нетерпеливо скребли обложку.

– Новое надо выдумать, Настя… А чаще новым назовут старое, – терпеливо не согласилась обычно нетерпеливая блондинка.

– Я могу взять ее почитать?

– Конечно. С возвратом.

Высокие бокалы, похожие на пышные, только распустившиеся розы, терялись на трюмо среди вселенной женских мелочей: тюбиков, скляночек, бутылочек и прочего добра, с помощью которого женщина творит свою воздушную алхимию.

Тем временем Апрель сменила тему:

– Рим произвел на меня острое впечатление, Света… – немного запинаясь, что выдавало присутствие винных паров в ладной головке, вещала Апрель. – Вся эта нафталиновая коричневая обертка… Прекрасно! Очень мало современных зданий. Даже у более-менее современных, если присмотреться, обязательно найдется или стена, или фрагмент, или просто элемент старой кладки. Раковая опухоль старины. Она там везде…

В рассказе была некоторая экспрессия, отчего большие треугольники серег Апрель немо подрагивали, обманывая ожиданием звука.

– Лучше скажи – «пигментное пятно», – перебила ее Несусвета, тоже проглатывая окончания слов и машинально увлекаясь сигаретой.

Они перебрались с окна на коричневый, точно офисный, диван, очень широкий, откуда открывался вид на окно, теперь запрятанное в смарагдовые шторы, на телевизионную плоскую панель, дюжину разномастных картин, серебристый скелет спортивного тренажера и на приземистую барную стойку, мигающую множеством стекла, закрепленного в металлических языках и спиралях. Стульев возле бара не было – расхищенные, они прижились в других местах квартиры. В одном из углов раздуло широкую горластую клетчатую вазу, напичканную букетами так, что ее почти не было видно, коренастое музыкальное устройство расположилось своими колонками тут же, едва выдавая себя меланхоличным мотивом.

– Арки, арки, арки, элементы древней городской стены, что проступают везде, булыжные мостовые… – то тихо, то громко продолжала вещать Апрель, кривя рот на длинном скуластом лице с намеками щек. – Все коричневое… Почти все… – Через мгновение она тоже курила, дирижируя сигаретой собственным словам. – Как этот диван. Было прекрасно! Мы даже ни разу не поссорились, что само по себе удивительно. Большее впечатление, чем Рим, на меня произвела лишь Венеция с ее лабиринтными улочками и повсеместной булыжностью. А еще там дома цветные. Оранжевые, рядом могут быть красные стены и зеленые… – Просторный карий глаз, слегка замыленный, пересекся с миндалевидным черным оком, чей взгляд аккуратно прыгал с картины на картину. – Все спаяно в один архитектурный узел, набережные с мостиками, узкие улочки, где порой двое расходятся боком… Каналы… Только там можно увидеть дом с крыльцом,

округлые ступени которого выходят прямо на воду… Представляешь? А рядом – катерок качается… – Химия мечтаний придавала млелость чертам лица.

– Пытаюсь… – улыбалась самым широким в данной местности ртом на круглом лице смуглая красавица, ряженная в цветастый просторный сарафан, с подолом, помеченным крупными крестями. Глаза ее, глубиной с ночь, тем временем блуждали по картине. Там на черном фоне светлела лежащая на плетеной софе фигура девушки в молочном платье.

– А Милан меня не поразил, – не смущаясь беглых взглядов собеседницы, плела вязь речей хмельная Апрель, не упуская любимой забавы – попытки размещения длинных ног с видом, будто им решительно мало места. – Конечно, большой, конечно, столица моды мировой, конечно, что-то в нем есть, но в принципе – обычный мегаполис. Нет, Кафедральный собор прекрасен, поражает воображение. В остальном – обычный большой город…

– Ты хотела рассказать о вашей ссоре… Почему… в итоге? – зевнула в уютную ладошку Несусвета. – Сравнил с бутылкой – все понятно, – поспешила она, понимая, что можно услышать рассказ сначала. – Но едва ли это первопричина, скорее последняя капля… Ты устала и прочее, помнишь?.. Вот с этого поподробнее… – Сильные мочки крепко держали на изогнутом гвоздике по увесистой жемчужине – белой и густо-черной.

– Я… – Апрель запнулась, погружаясь в вопрос. – Я… Он уже взрослый, у него много накопилось отрицательного, не хочу быть эхом всего этого. Он и верит мне и не верит… – Она старательно сморщила губы. – Я устала: не могу достучаться до него, это практически невозможно! Иногда он груб. Если он в чем-то убедит себя, а делает он это легко, его не переубедить.

– А надо ли? – выгнула густые брови Несусвета. – Он же мужчина, зачем его переубеждать? Насчет «не верит» – может, и хорошо? Может, это предостережет тебя от импульсивных глупых действий, которые разрушили бы большое доверие, которого ты так хочешь?

Обе посмотрели на бутылку вина, но та опустела. Девушки не выказали разочарования.

– Я не давала ему повода, – упрямо высекла искру из глаз Апрель. – Ни единого…

– Повод – вещь относительная. – Несусвета переключилась на следующую картину с индуистским божеством Ганешей, покровителем творческих личностей и туристов, с телом человека и головою слона, детально прорисованным фосфорной зеленой краской на сажном фоне. – Его отсутствие вроде бы и дает какие-то преимущества, но… В моих человеческих огорчениях мне не давали повода ни разу. Но от этого не легче потом… Даже наоборот, когда ты не готов подсознательно, голова взрывается с большей силой. – Она издала звук взрыва, пустив по пышным губам крупную дрожь, от которой Апрель вздрогнула лицом.

– И тем не менее, – зло перебила ее категоричная Апрель, – я приняла решение: мы разные. И по возрасту, и по характеру. Он не уважает мои желания. Если чего-то хочет, этого же должна хотеть и я. Я так не могу! По крайней мере, надо попробовать побыть врозь, хотя бы отдохнуть. – Юная убежденность порхала по правильным линиям привлекательного лица, карие глаза горели неугасимым светом, нервный рот пылал отчаянным максимализмом. – Я должна его проучить, иначе будет только хуже.

– Хуже бывает разное, – поучительно отозвалась Несусвета, взглянув на фотопортрет. Черно-белый, он словно позволял заглядывать в эти стены классической диве – Мэрилин Монро, на самом деле не будучи ею. – Случается хуже, когда и проучить некого. – На фото старательно надувала губы в томном прищуре хозяйка местных комнат, блондинистая истеричка Липа. – Или можно проучить саму себя таким образом… Другое дело, если он просто надоел. – Двумя цветными акцентами на фотопортрете алели губы и отчетливо-кофейная родинка на щеке, которой в реальности не имелось. – Я помню начало вашего общения, когда тебе везде мерещились его бывшие. Ты не верила, что он одинок. И дома у него искала и находила признаки женского присутствия. И забывала там свои вещи в местах неочевидных, и разбрасывала волосы везде… – Несусвета прыснула неожиданно даже для себя, на глазах выступили слезы.

– Это моя жизнь, – непримиримо резанула Апрель, враждебно всматриваясь в профиль приятельницы, точно видела его впервые. – Я сама приму решение. И надоел, кстати, тоже… Некоторые вещи невозможно терпеть!

– Я не против. – Несусвета спрятала глаза за тяжелый сажный локон. – Ты сама все знаешь, сама все решишь, тебе виднее. Твоя точка обзора – самая высокая. Просто взрослых мужчин не переделать, не перекроить. Я, честно говоря, поела

бы. Проголодалась… – повторила она, словно опасаясь, что собеседница ее не поняла. – Кажется, кто-то говорил что-то о рыбе…

– У меня аллергия на рыбьи кости, поэтому я не ем рыбу, – все еще обиженно откликнулась шатенка, думая, менять или не менять тему.

– Странная аллергия! А еще на что у тебя аллергия? – В следующую раму, казалось, выплеснули несколько ведер разной краски.

* * *

Липа продолжала откровенничать:

– Мне когда-то попала ресница в глаз, и так удобно прилегла в самом углу, что, как я ни пыталась, не смогла подобраться даже близко, хотя она вроде и не была далеко, – невыразительно рассказывала Липа, находясь уже на ногах и пребывая с подругой подле массивного зеркала, где они разглядывали друг друга, счастливые своей непохожестью. – Глаз долго болел, эта ресница сводила меня с ума. Потом я привыкла. Сейчас даже не вижу ее, только чувствую. И врачи не видят. Она есть, она мучает меня…

– Мне кажется, ты родилась с этой ресницей, – с широкой улыбкой поддразнила собеседницу Анестезия. – Просто в какой-то момент ты ее заметила. – В аккуратных ушках в области мочек росли бархатные пушистые черные розочки серег. Если присмотреться, в некоторых ракурсах они напоминали трехмерные карточные пики.

Большие глаза встретились в зеркале: одни – иссиня-голубые, другие – отчетливо-зеленые, большие улыбки схлестнулись, сажные и белые кольца волос контрастно перекликались. Лицо блондинки выглядело злым, даже когда она источала позитивные эмоции, лицо брюнетки, напротив, казалось мило-детским, даже когда она бывала откровенно недоброй. Одна – со вздернутым носом с широковатыми крыльями, у другой – нос с горбинкой, она повыше ростом и гораздо спортивнее, обе с высокими лбами и непохожими ступнями. Они бегали взглядами друг по другу, потом по артиллерии скляночек и полезных предметов, смеялись своим отражениям и понимали друг друга с полуслова. При этом крепкотелая хозяйка дома была значительно старше, а субтильная

Анестезия улыбалась губами, что из года в год становились пухлее.

– Я тоже так считаю, – хохотнула Липа. Они звонко подержали конкурирующие переливы в аспидных стенах с золотистыми вертикальными вкраплениями витиеватых узоров. – По-моему, дело в великом множестве этих самых ресниц! – Ее уши совсем недавно несли на себе по извилистой молнии белого золота, но сейчас открывали по две розовые дырочки на каждом.

– Могу рассказать о невидимой занозе, – мягко пророкотала Анестезия. – Ты наверняка знаешь, так бывает, когда занозишь руку чем-то, чего не видишь, но чувствуешь. Трогаешь определенную точку на… допустим, на пальце, и это место колется и болит. А глаз не различает ничего. Если пощипать, обычно заноза выходит. – Тонкие веки артистично затрепетали.

– И?.. – любопытничала Липа, распахнутая во всю зелень глаз.

– Такую занозу лет в шестнадцать я обнаружила у себя на груди, – продолжила собеседница. – Чего только не делала, была у врача. Тщетно. Она до сих пор со мной, незаметная, если ее случайно не тронуть… Как злая кнопочка. Она – это то, что порой меняет на противоположное мое хорошее настроение.

– Невероятно! – Липа плотоядно таращилась в Настин профиль. – Моя ресница особенно дает о себе знать, если я поплачу. Горе тому, кто заставит меня плакать!

– Не представляю тебя плачущей, – с сомнением высказалась Настя, повернув голову на взгляд. – Никогда не видела.

– Потому что это больно, – Липа посерьезнела. – И для меня и для окружающих. Сколько мы знакомы? – переключилась она.

– Лет шесть или семь, – не задумываясь, высчитала брюнетка, бесшумно возвращая книгу на камень трюмо.

Они пытливо разглядывали друг друга, точно впервые, про себя признавая броскую, отчетливую красоту другой, затем развели взгляды, разбежавшись глазами каждая на свой предмет сосредоточения, и на шаг разошлись в

стороны.

– Красивое зеркало, – с уважением сказала брюнетка. – Оно отражает почти всю комнату. Не спрячешься. – Она крутанулась по оси, фиксируя собственную осанку и подозрительную крутобедрость.

– Есть местечко, – доверительно снизила голос блондинка. – Но его сразу не найдешь. А в том местечке есть еще местечко, которое тоже запросто не обнаружить. – Она скользнула за книжную полку, и там за картинкой внутреннего мира алого розового бутона оказалась крохотная прямоугольная дверца. – Мой секретный бар. – Анестезия, полная вязкого любопытства в больших глазах, просеменила за подругой, пока холодные пальцы блондинки что-то перебирали в бархатной темноте открывшейся ниши, где дружно разместились разноцветные бутылки. – А ну его, это вино! – с нажимом определилась за обеих Липа. – Глоток виски придаст творческого очарования нашим колебаниям в пространстве! – Она хохотнула, вытягивая из закромов продолговато-пузатый сосуд, очаровательно коричневый и почти полный. Следом когтистые пальцы вооружились парой многогранных стаканов, все это было перенесено и поставлено на трюмо, подле которого и хрустнуло кольцо скрипучей крышки.

– Что за скляночки? – подала голос брюнетка, вглядываясь в проявившийся уголок, где подле высоких бутылок почти неприметно ютились пузырьки без надписей.

– Кое-что для шабаша, – с замиранием повторила Липа слово, уже звучавшее ночью и даже утром, – кое-что весьма полезное. Позже расскажу… Позже… – Она опять подобралась к подруге, одной рукой увлекая ее к трюмо, второй проворно выдергивая из ниши самый мелкий пузырек и пряча его в подоле узкого платья.

– Выпьем! – нетерпеливо вставила она громоздкий стакан в податливую ладонь брюнетки, что едва удержала его, раскачивая между стенок половинчатое количество бледной жидкости.

Они синхронно пригубили, в который раз дотрагиваясь шальными взглядами друг друга, и одновременно поморщились, зажав аккуратно вырезанные ноздри, затем медленно расправили лица, залив большую их часть ленивой улыбкой.

– О черт, Чёртова, я уже чувствую его преобразующее воздействие! – вскричала Липа, прислушиваясь к себе. – Он точно бежит по ступенькам разума, сотрясая сложную упорядоченность личности…

– Упорядоченность? – недоверчиво переспросила подруга, топя улыбку в остатках агрессивной жидкости. – Ну если только сложная… Расскажи… – ввернула она, заметив, что взгляд подруги остекленел, означая погружение в себя.

– Что? – с трудом отвлеклась Липа от липкого внутреннего мира и будто машинально оставила стекло в руке пустым.

– Что планируешь? – наступая, облизала губы Анестезия, отставляя и свой стакан. – Что за шабаш? – Глаза ее вспыхнули, точно виски плеснули в огонь.

Блондинка увернулась от цепких глаз и чуть отвальсировала:

– А как же терпение, дорогая?

– Не хочу! – отмахнулась брюнетка. – Расскажи… – Наступая на Липу, она оттеснила ее к кричаще алому гардеробу, растянутому во всю стену и содержащему космос женских надобностей: платьев, джинсов, обуви, белья. Одних ремней там имелась целая армия.

– Нет… – упрямо выдохнула блондинка в лицо подруге, как только ее белые лопатки коснулись гладкой дверцы шкафа. – Но… – протянула она, заметив обиду в глазах той. – Я покажу тебе кое-что. – Блондинка поймала в свою ладонь тонкие пальцы Анестезии и мягко потянула ее из комнаты. – Любой шабаш – это жертвоприношение. Я покажу тебе нашего агнца! – По одному из серых коридоров, соединяющих комнатные пространства, они, тихо ступая по дразнящему паркету, пробрались к высокой черной двери.

Невесть откуда в руке Липы расцвел того же цвета массивный ключ. Поковыряв им в замке, она дождалась угодливого щелчка и с вороватым видом ухватилась за ручку.

И в ту же самую секунду:

– …Бутылка – ерунда, подруга моя! А что ты скажешь о царапинах на спине? – уколола Несусвета собеседницу, вместе с которой они совсем недавно перебрались в кухню, чтобы проанализировать обстановку в холодильнике.

На сковороде уже ворчливо подергивались куски красной рыбы, а пяток стремительных бутербродов с оранжевой колбасой и зеленым сыром уже скоротечно улетели в молодые сильные желудки.

Интрига умело разобралась с пробкой в очередной винной бутылке. Мгновением раньше молчаливая в компаниях Елена отчаянно зевнула и покинула уютную кухню со своим бокалом, чтобы, как она сказала через плечо, скоро вернуться.

– Убила бы! – воспламенилась карим взглядом вспыльчивая Апрель. – Хотя нет. Покинула бы без слов и без права на реабилитацию. А что, у тебя было что-то подобное? – уточнила она с легкой надеждой.

– Нет, – уклончиво отозвалась Несусвета, остановившись возле запахнутого окна, и, отклонив пластинку жалюзи, всмотрелась в дождливый день за стеклом. – А вот у Липы – да! – торжественно разоблачилась она до того, как плотоядное любопытство шатенки успело взять под контроль горделивую мимику упрямого рта и высокого лба с забранными назад волосами. – Ты слышала, что Арсений натворил в последний раз?

– Арсений? – нахмурилась Апрель. Глаза ее увлажнились, точно на названную персону и у нее была нездоровая реакция. – И что же? – Она машинально упражнялась с высоким бокалом, не замечая, что с каждым глотком скорость поглощения увеличивалась.

– Липа увидела царапины у него на спине! – Несусвета повернулась к ней лицом, пылающим чем-то, очень напоминающим торжество. – Наглец объяснил это перышком из подушки… – Она хохотнула пухлыми губами. – А когда она устроила скандал по поводу перышка, он заговорил об осколке…

Апрель мрачнела, покусывая губы.

– Остался такой же наглой скотиной, какой был, – приговорила она.

– Когда речь идет об Арсе, – вмешалась Интрига, колдовавшая у плиты, – удивляться особенно нечему. С ним все становится ясно после пяти минут общения. – Ловкие пальцы дирижировали кухонной лопаткой, с помощью которой девушка перебрасывала рыбу с одного бока на другой.

– А ты говоришь – «бутылка», – фыркнула Несусвета с победным пренебрежением. – Контраст, возможно, поможет тебе понять, что по большому счету ты просто придираешься к своему другу, – поддразнила она нетрезвую подругу. – Но в чем я согласна с Инной, – тут же повысила голос брюнетка, видя распахнувшийся в несогласии рот Апрель, – Арсик такой, какой есть, и пытаться воспринимать его иначе – значит обманывать себя. Так что обманулась не ты одна, дорогая! – Короткие смуглые пальцы обзавелись сигаретой. – Даже наша многоопытная сучка Липа с разбегу прыгнула на старые садовые грабли… – Лицо Несусветы отсвечивало каверзным умом.

– Я ее предупреждала, – послушно переключилась на новую тему шатенка. – Но каждая мнит себя самой умной. Нет чтобы прислушаться к советам… Она посчитала себя особенной, решила, что сможет до него достучаться… Опять же с высоты ее опыта! – закончила она совсем другой мыслью, подмигнув разом всем участницам дискуссии.

– Достучаться до головы другого человека возможно лишь через его собственную голову, но никак не через нашу, как бы мы ни пытались в разных тональностях говорить о своих чувствах, желаниях и боли, – многозначительно произнесла Несусвета, опять пустив тонкий разряд в сторону хмельной собеседницы. – При этом войти туда возможно не через парадное, где правит упорядоченным рассудок, а только посредством черного входа, где царит густой и вязкий мрак подсознания…

– Не так сложно, – подала голос Интрига, продолжавшая хлопотать у плиты, – а то я перестаю понимать. Самое-то интересное вообще в другом… – добавила она поспешно, чувствуя, что опять может остаться вместе с багровеющими рыбьими телесами на обочине разговора. Тонкий привкус сплетни, шевельнувшийся в утомленной тональности ее шелкового голоса, не остался незамеченным многоопытными сплетницами Несусветой и Апрель, которые тут же позабыли друг о друге и, не мигая, впились взглядами в прозрачные плечи интриганки.

– Ну?!. – подали голос они почти одновременно, спустя несколько секунд, во время которых лишь аппетитно шуршали рыбьи тушки в клокочущем масле.

– Елена – новая пассия Арсения, – с опаской глянув в арку, ведущую в зал, поведала Интрига. – Они общаются несколько месяцев, при этом Арс параллельно милуется с Липой. Мне кажется, бедная Леночка еще ни о чем не догадывается. А вот в случае с Липой, я уверена, Арсу это выйдет боком…

– Так вот почему она здесь! – хищно обрадовались брюнетка с шатенкой, бокалы их соприкоснулись с нежным звуком, они счастливо оросили гортани сицилийским вином. Наконец Несусвета закончила: – Липа планирует затеять вакханалию, во время которой проявятся сотни деталей. После чего две обиженные девушки изготовят замечательное блюдо, которое, как известно, нужно подавать холодным.

– Что-то типа того, – пожала плечами Инна и загремела тарелками, сигнализируя о готовности. – Кто-нибудь, сделайте еще бутербродов или просто подрежьте сыра. И я видела в холодильнике сливы и хурму. А девочка интересная. Думаю, нам будет занятно пообщаться…

– Мне она показалась излишне наивной и доброй, – в протесте выпятила губы Апрель. – Слишком хорошая. Слишком легкая добыча для Арсения. И не такая, как мы…

– Может, и так. – Рыба оказалась ловко разложена по квадратным белым тарелкам с загнутыми краями. Несусвета обратилась к холодильнику, Апрель предпочла остаться на месте, забросив ногу на ногу и покачивая стопой, обтянутой темной лайкрой. – Но что-то мне подсказывает, – блондинка едва заметно улыбнулась своим мыслям, тут же припрятав последние, и лишь потом повернулась к подругам лицом: – Что эта малышка не так проста.

В кухонной арке возникла Елена: красивая, высокая, но с потерянным взглядом. Глаза ее нервно перебегали с предмета на предмет, длинные пальцы с кофейными ногтями бессознательно мяли неподдающийся этим усилиям крохотный телефон.

– Не дозвонилась? – лукаво спросила Интрига, расставляя на высоком столе в мелкую плитку тарелки с рыбой. Там же высилась горка сыра на прозрачном блюдце, десяток слив на разделочной доске, чищенные грецкие орехи в плошке и хаотично разрезанная хурма.

– Мальчик? – коварно впритык вопросила Апрель.

– Недоступен, – печально выговорила Елена, тревожно и часто моргая. – И сам не звонит второй день. – Плодящая продолговато-вкусный шлейф запаха рыба ее явно не интересовала. – Что это может означать?

– Он был сразу недоступен? – деловито задала вопрос Несусвета. – Или гудки тоже были?

– Были, – внимательно осмыслила Елена. – Вчера… – Растерянность вытеснила все прочее с ее лица.

– Предлагаю есть рыбу, – недовольно вмешалась Интрига, забираясь на барный стул и придвигая к себе тарелку. – Пока горячая.

– Дело дрянь, – резюмировала Апрель, крутанувшись к столу и озадачиваясь тем же самым.

– Ну, может, загулял, – не моргнув, предположила Несусвета. – Всякое бывает…

– Так не было ни разу, – с полными ужаса глазами и с тихой ненавистью в голосе громко прошептала девушка. Пальцы ее обвили длинную ножку бокала.

Подруги самозабвенно ели, утратив к Елене интерес. Их ровные белые зубы с немым воем сладострастия терзали румяную плоть рыбы. Каждая полагала, что все следующие вопросы лучше оставить на десерт. Нетерпение кружило красивые головы, но девочки умели терпеть, пусть и недолго.

* * *

И наконец черная дверь распахнулась…

– Это же Hapro Luxura X7! – Казалось, Анестезия поперхнулась восхищением, когда они с Липой шагнули в просторную белую комнату. Там посреди заковыристого паркета в черную и серебристую короткую доску не было ничего – лишь длинные белые лампы освещения на стенах, да ярко-голубая капсула в

центре комнаты. Оцинкованные вставки на загадочном приборе, похожем на космический корабль, длинным узором тянулись по обтекаемому телу машины, таинственные табло замерли в красном свечении мистических цифр. Самоуверенная надпись белой краской сообщала «Luxura» на верхней, намеренно смелой в очертаниях части аппарата, приземистая, но стильно дутая нижняя часть несла на своем симпатичном брюшке изысканно-небрежную надпись «X7».

– Он самый, – удовлетворенно подтвердила Липа, придерживая возбудившуюся подругу за плечи. – Эффект металлик, 180- и 500-ваттные лампы. Сорок пять абсолютно новых яростных ламп. Система циркуляции воздуха и трехступенчатые системы вентиляции тела и лица! – Блондинка звонко чмокнула над ухом взволнованной подруги. – Группы фильтров и сенсорная панель, электронный пульт управления и опция ароматерапии. Экспрессивный дизайн и легкость эксплуатации. – Она шумно вздохнула, медленно подводя Настю к манящей капсуле. – Необходимая вещь дома…

– Аксессуар, – с придыханием оценила Анестезия. – Я должна попробовать. Читала о нем в журнале, его называли «интеллектуальный солярий».

Липа влюбленно подержала взглядом профиль брюнетки:

– Умница! Я и не ждала от тебя другой реакции.

– Хочу прямо сейчас! – ободрилась Настя, прекрасно умеющая расшифровывать подобные взгляды. – Можно? – Загорелые плечи передернулись от нетерпения.

– Ты не задумывалась, почему современная женщина так благосклонна к солярию, хотя вред от его использования уже давно не вызывает сомнений? – вопросом на вопрос изогнула светлые, но сильные брови Липа, вставая между чудо-солярием и нетерпеливой поклонницей.

– Честно говоря, нет, – сказала Анестезия, подрагивая от желания.

– Не кажется ли тебе, что в этом есть своего рода генетический код, – словно утверждая, спросила блондинка, – страсть к огню, очищающему огню, приписанная ведьмическому началу средневековыми безумцами? – Улыбка ее театрально надломилась. – Не кажется ли тебе, что эта странная страсть не

только дань особому цвету кожи, который дарит прибор, являющий собой огонь, загнанный в стеклянные трубки? Не кажется ли тебе, что любая современная ведьма так или иначе хочет побывать в огне, и – что важно – в отличие от наших древних сестер, победить его? – Липа хохотнула, не давая определить истинную степень своей серьезности. – Что это, как не победа над тем, чего так искренне боялись все женщины, проповедовавшие что-то, доступное только им или небольшому числу подобных им мастериц…

– Даже не думала об этом, – удивленно произнесла брюнетка в представившуюся паузу.

– И тем не менее реакция твоя совпала с моей, – блондинка всем видом приглашала задуматься. – Мы обе почувствовали ритуальную тягу к огню, и это не просто так. Это реакция ведьмы…

– Но в нашей стране ведьм не сжигали… – напомнила Анестезия, всерьез размышляя над услышанным. – Почти…

– Случаи единичны, – согласилась Липа. – Но у меня, к примеру, германские корни, – со знанием дела продолжила она. – В Россию мои предки попали перед самой революцией, а имени своему я вообще обязана случайности. Татарскому дедушке повезло спутаться с арийской бабушкой, отсюда цепь абсолютно случайных, но по-своему забавных событий. – Она усмехнулась своим мыслям. – Как бы там ни было, это же не означает отсутствие ведьм на Руси? Это, напротив, говорит об уме и сноровке наших ведьм, которые в быту гибли чаще, чем из-за своего колдовства. А ведь в горящую избу входили, Настя, и коней на скаку останавливали… А как порчу наводили, а влюбить в себя могли как…

– Вот последнее я умею лучше всего, – призналась вдруг Анестезия, проведя смуглой ладонью по гладкому корпусу огненной машины.

– И как ты думаешь… – Липа выдержала паузу. – Откуда этот талант? Неужели выдан в качестве бонуса при рождении? Или во время преджизненного распределения форм и качеств? – Указательный палец ее выискал на сенсорном табло клавишу, которую, чуть помедлив, отрывисто ткнул. – И как легко управляться с этим добром, которое представляет собой в совокупности или раздельно именно нас? – Она больно ущипнула подругу за ягодицу, точно принуждая задуматься. – Откуда эта удивительная легкость, эта почти

моментальная инерция? Мы научились этому или всегда умели? Это накопленный опыт нескольких поколений женщин или мистический дар? Каждая так может или не каждая?

«Luxura» издала почти неприметный скрип.

– Кажется, ты на этот вопрос для себя ответила однозначно, – успела сказать Настя, прежде чем дыхание ее перехватило. – Не верю глазам своим… – с трудом прошептала она в то же мгновение, машинально поправив волосы и одернув короткое черное платье.

Массивная крышка солярия распахнулась и вальяжно приоткрыла вид изнутри, исполненный множественностью ламп под прозрачным пластиком. В самом центре технической архитектуры, в самом сердце схождения двух частей сложной машины, безмятежно покоилось бледное от кончиков пальцев до кончика носа нагое мужское тело. Оно было безволосо по своей сути, лишь с угольной малостью в области черепа, молодо и подтянуто, с закрытыми глазами и глуповатой флегматичностью на разгладившемся от долгого покоя лице. Руки и ноги были перетянуты тонким, почти прозрачным шнуром, пропущенным под мышками и поясницей, к различным узлам солярия, благодаря чему встать самостоятельно новому герою не представлялось возможным.

– А вот и сюрприз! – дурашливо затрясла локонами блондинка, дирижерски вскидывая руки.

– Это же Арсений? – отразила очевидное брюнетка.

– Собственной персоной…

– Он слышит нас?

– Нет, – убежденно качнула головой Липа.

– Откуда ты знаешь?

– Все просто. Дело в порошке из семян одного замечательного растения, – Липа продемонстрировала длинную граненую стеклянную трубку, примостившуюся в

корпусе прибора, – который я задуваю ему в нос, и он спит крепче крепкого. И так почти до бесконечности.

– Не вредно?

– Вредно, хотя состав сильно разбавлен. Но это не будет продолжаться долго. Думаю, через час ему пора проснуться.

– Сколько он уже спит? – с восхищением окатила вниманием подругу Анестезия.

– Я украла его в ночь с пятницы на субботу. – Ровно на мгновение Липа побывала в своих мыслях. – Сегодня воскресенье, полдень, значит, скоро будет двое суток. Он проснется отдохнувшим. – Улыбка девушки показалась зловещей даже ко многому привыкшей подруге.

– Зачем ты украла его? – переспросила брюнетка в тот момент, когда лицо ее воспламенилось осмыслением, и последние звуки произнеслись почти шепотом. – Ты…

– Агнец, – невинно выдохнула блондинка. – На любом шабаше должен быть агнец, – продекламировала она на следующем выдохе. – И у нас тоже есть. Все по правилам.

– И ведь ты не шутишь, – утвердительно сказала Анестезия, лоб ее и щеки полыхнули озорством. – Ни на секунду…

– Я сама серьезность, – уже холодно и жестко процедила Липа, опуская крышку нажатием кнопки. – Хочешь его разбудить?

* * *

Тем временем на кухне продолжался разговор:

– Маски… все их носят: и маргиналы, и интеллигенты, – с заразительной философичностью вещала сытая и опытная Несусвета. – К некоторым они так прирастают, что люди забывают, какие они на самом деле. И в принципе

перестают быть собой. – Она продолжала потягивать вино. – Гоняясь за чередой чужих образов, они теряют целостность, разбиваются на осколки псевдоличностей…

Поникшая Елена покусывала губы, одним ухом слушая подругу, другим прислушиваясь к эмоциям внутри себя. Темные глаза смотрели и не видели, края пестрого платья точно поникли, и весь образ сочился грустной красотой, от которой хотелось сделать больно тому, из-за кого девушка стала такой печальной.

– Мальчики, что с них взять, – глубокомысленно скривила губы Интрига. – Маски – это для них все. Они даже не помнят, какая из них была первой. Так и изнемогают под грудой масок, не в силах вспомнить свое настоящее лицо.

– А ты помнишь? – мудро усмехнулась Апрель, медленно, но веско перекладывая одну длинную ногу на другую. – Мне кажется, это общечеловеческое.

– Не суди по себе, – фыркнула блондинка, отразив в гримасе антипатию. – А тот, из-за кого ты переживаешь, не заслуживает подобной психической реакции, – более добро ввернула она уже Елене. – Он давно забыл свое настоящее лицо. Поверь, едва ли можно идентифицировать эту личность даже внешне. Что бы ты ни думала, на самом деле он другой, – таинственно заключила она и спрятала лукавую мордочку в широкий бокал.

– Вы знаете его? – изумленно заерзала на стуле девушка. – Все его знаете?! – Взгляд ее пронесся по выразительным лицам подруг.

– Знаем. – Несусвета укоризненно полоснула интриганку взглядом. – Мы были и любовниками, и просто друзьями, потом вмиг рассорились и с некоторых пор дистанцируемся друг от друга. Может, зря…

– А я первая из всей компании познакомилась с ним, – продолжила Интрига с пренебрежением в голосе, снова нагло вписавшись в разговор. – Быстро поняла, что он собой представляет, с тех пор всегда держу эту особь на длинном поводке, настолько длинном, чтоб его не видеть. В принципе сразу было понятно, что это ошибка. Притом маленькая…

– Мы расстались недавно, – задумчиво взяла слово Апрель. – Было неплохо, но тоже обоим было понятно, что это недолговечно. Так и получилось. А до меня он очень горячо и дольше всех общался с Анестезией. Все даже думали, что это навсегда, так много электричества, казалось, было в их отношениях. Но они тоже не поняли друг друга и разошлись в разные стороны.

– И теперь Липа, – поспешила быть первой Интрига. – И ты, как оказалось…

– Одновременно, – с нажимом закончила Апрель.

– Она тоже… – глаза Елены сузились в мстительные щелки. – А знакомство выглядело случайным. – Живой ум ее стеклянно задрожал внутри сообразительной головы.

– Именно. – Апрель приосанилась, а остальные переглянулись. – Вообще-то, нехорошо проводить время с чужими молодыми людьми, деточка! – Длинное лицо ее с вызовом подалось вперед на длинной шее, оставив символические плечи в ленивом тылу.

– Мы достаточно долго вместе, чтобы я считала это своим, – с достоинством отозвалась Елена. – Прочие его связи мне неизвестны. – Она без напряжения выдержала матовый взгляд шатенки.

– Но они имеют для тебя значение? – с исследовательским интересом подала голос Несусвета.

– Разумеется, – с вызовом подчеркнула Елена. – В подобных случаях я предпочитаю быть одной. – Апрель тем временем отвела взгляд и мастерски спрятала его в косметическое зеркальце.

– Единственной, – удовлетворенно констатировала Интрига. – Ты не одинока в своих предпочтениях. – В ее словах прозвучала легкая горечь.

– Но ты связалась явно не с той, деточка, – с сомнением изрекла Апрель одновременно с ней. – Это же Липа! Человек аномальный. – Она по-прежнему изучала себя в круглом кусочке стекла.

– Точнее, ты связалась не с тем, – театрально возникла в арке кухни хозяйка квартиры. Лицо пламенело от ярости, она с надменным вызовом смотрела на собравшихся. В сильных тонких фалангах замерло горлышко приземистого коричневого «Джека Дэниэлса».

– Что это значит? – Елене еще не доводилось видеть Липу в подобном образе.

– Тебе не по зубам такая старая рыба, как Арсен, – снисходительно сказала Липа, подбираясь поближе к беседе. – У вас тут вкусно пахнет, – отвлекла она от предмета диалога.

Бутылка виски перекочевала на длинный стол.

– Мы пожарили рыбу, – объявила Интрига.

– Это еще почему? – Пронзительные глаза Елены вспыхнули.

– Потому что ты не такая, как я… – с расстановкой произнесла блондинка, вылавливая руками маслянистый оранжевый кусок из чьей-то тарелки.

– Даже если и так, чем ты лучше меня? – Запальчивость разлилась по вкусным щекам ядовитыми пятнами.

– Ты слишком хорошая, и твои решения очень коротки. Ночью думаешь одно, с первыми лучами солнца становится понятно, что ты слишком светлая и добрая, чтобы в принципе затесаться между нами, – пространно пояснила Липа, флегматично отвлекаясь на вино и рыбу. – Ты можешь любить долго, но ненавидишь ты только день. – Она размахивала жирными пальцами. – И боль причинять ты не любишь, даже случайно. А вот Арсен любит плохих девочек… Как все мы тут!

– Какой апломб! Можешь оставить его себе! – фыркнула Вселенная.

– Так и есть. Я с самого начала за тобой наблюдала и в очередной раз рада, что не ошиблась. – Липа томно колыхнула ресницами. – Но он мне не нужен. А наказать его я хочу! Таких вещей я не прощаю, подруга. Не знаю, как ты… Притом наказать так, чтобы воспоминание об этом приводило его к эректильной

дисфункции всякий раз, когда он задумает поиграть на два фронта. – Лицо ее стало жестоким, как штопор.

– Что ты хочешь сделать?

– Не то, что ты подумала. Я задумала шабаш, о чем и объявила, приглашая вас. По всем правилам мы воссоздадим здесь то, что некогда практиковалось в Европе. И обязательно устроим жертвоприношение. Агнец! – Она посмаковала общее любопытство. – Скажи теперь, не задумываясь: участвуешь?

– Что именно мы будем делать? – осторожно прищурилась Елена.

– Доверься мне! – Стервозный большой рот Липы хищно сомкнулся. – А агнцем будет он.

– Ты права… – медленно выговорила Елена. – Я не буду этого делать, но это не означает, что я не захочу посмотреть…

– Правда? – притворно удивилась блондинка. – Это несколько меняет дело, я думала о тебе хуже. – Она подступилась к собеседнице и приобняла ее за талию. – В конце концов, в таком деле нет разницы – делать или смотреть…

С минуту они пристально массировали зрачками друг друга, и никто не решился издать ни звука, никто даже не шевельнулся. Но спустя означенное время Интрига шумно опустила ножку своего бокала на звонкую поверхность стола. Это разморозило движения девушек, возобновился неспешный гвалт, и совсем скоро Липу загнали в угол жадные взгляды, горящие вязким любопытством.

– Ну же? – Голос Апрель был точно игла.

– Подробнее! – настойчиво щурилась Интрига.

Несусвета задорно улыбалась, предвкушая следующее мгновение.

– Хорошо, – сдалась блондинка. – Открываем карты. У меня в зале солярий, к которому накрепко привязан Арсен. Долго рассказывать, откуда он там взялся, не стану. В двух словах – пьяный приполз сам, и сейчас он там, крепко спит.

Настя как раз должна начать его будить. В этом есть символизм. Кажется, ему будет приятно увидеть ее первой. – В руках блондинки возникла та самая скляночка из тайного бара. – Это мазь, рецепт я нашла в Интернете, вместе с составами прочих милых микстур, пришлось там же поискать травников, которые, как ни удивительно, нашлись. Забавно… Все это стоило копейки. Снадобье отбивает сон. Нужно помазать виски… – Она поймала на кончик когтистого пальца аккуратную капельку и с таинственным видом втерла ее себе в висок. – Энергия бьет через край, и так примерно на час. Потом появляется сонливость, которая легко снимается еще одной капелькой. – Пузырек между делом уже перекочевал в белые ладони Апрель, которая нетерпеливо затрясла им, высвобождая очередную каплю. – Мы разденемся, почитаем ведьмическую книжку, у меня есть виски, и хорошая аудиосистема, и ароматные свечи, кроме того – мазь для ощущения полета, мазь для расширения реальности, мазь для расширения сознания, мазь эротическая и мазь не для нас, девочки. А правильнее уже будет сказать – ведьмочки! – провозгласила она звонко, наблюдая чуть оплавившиеся лица подруг, каждая из которых недолго подержала в руках пузырек.

– Замечательно бодрит! – изменившись в лице последней, среагировала Несусвета. – Хочется сплясать нечто неистовое!

– Так пляши! – чужим голосом, грубее своего истинного, выдохнула Липа. – Пляши!

– Разденемся? – свела брови Апрель.

– Да, именно! Догола! До последней нитки! – с вызовом утвердила хозяйка шабаша. – Вино превратит тебя в пьяную скотину даже в одежде, а виски не даст смежить веки и заскучать. – Она крутанулась вокруг своей оси, точно пытаясь посмотреть на всех сразу и пресечь поползновения несогласных. – А одежда… Она будет мешать. Кроме того, мы же хотим реализма? Надо все сделать по традиции. – Девушка игриво подмигнула Интриге, которая уже улыбалась своим мыслям. – И не забудьте, что наш агнец – мужчина, и в нашей власти помучить его нашей наготой. – Эти слова были брошены Елене, что с опаской подглядывала настроение прочих участниц. – Раздеваться! Нельзя такую задумку превратить в жалкую пародию… – Руки ее распахнули створки кухонного шкафа, откуда почти вылетели на стол пузатые стаканы. – В таких ханжеских декорациях не создать и банальнейшего колдовства. А я на сегодня запланировала колдовство высшего сорта! – рявкнула она на Несусвету, которая

на секунду попробовала засомневаться, став серьезной.

Липа собрала в неровный круг шесть стаканов. Она заговорщически оглядела всех и каждую и быстро оросила из бутылки подготовленную утварь против часовой стрелки.

– В этом есть свой смысл, – осклабилась она, не поясняя ничего большинству непонявших и продолжая в одно движение наполнять посудины. – Как и во всем, что происходит… – Она хохотнула и оставила сосуд в сторону. – Сейчас и вообще…

– А что значит мазь не для нас? – совсем тихо выспросила из-за плеча Елена, но в сгустившейся тишине все услышали.

– Это для него. – Липа стремительно и грубо распихала стаканы по ладоням. – Специальное снадобье. – Она чуть отстранилась, замкнув очередной неровный круг, теперь – из ладных девичьих тел. – Поможет осознать всю степень ответственности и, в принципе, поможет достичь воспитательного эффекта. – Каждая чувствовала изменения, в которых пока не была уверена. А волосы на головах будто уже начали шевелиться. – Мазь вызывает жуткий, животный страх, о чем бы ты ни думал: тебе плохо и страшно, хочется умереть, но одновременно ты безумно боишься смерти, при этом почти уверен, что вот-вот она придет – и тебя размажет чья-то безжалостная рука. – Красивое лицо ее садистски исказилось. – И ты дрожишь, как приговоренный к смерти, чей приговор через мгновение исполнят. Можешь даже обмочиться или поседеть… – Присутствующим стало жутковато. – Это при условии, что ничего страшного вокруг не происходит. А я планирую нагнать жути…

– Я – за! – горящим взглядом присоединилась к ней Интрига.

– И я! – приосанилась Апрель, мстительно покусывая губы.

– Настя с нами, – констатировала Липа, вперившись взглядом в Несусвету. – Малышка тоже хочет посмотреть, понимая, что ничего изменить не в силах. А ты, проныра? Наша общая совесть, что скажешь ты? – Несусвета сжала лицо в лукавую гримасу, тщательно раздумывая.

– С вами, – высказалась она спустя несколько секунд. – В конце концов, кому-то надо присмотреть за тем, чтобы вы тут не натворили дел.

– Тогда выпьем, ведьмочки! – воскликнула хозяйка дома.

Стекло звучно сомкнулось. Все энергично выпили, чувствуя, как силы утраиваются и настроение начинает метаться по телу, понимая, что ему не хватает пространства.

* * *

Анестезия же, оставшаяся в таинственной комнате, долго и немного отрешенно разглядывала спящего. Пауза затянулась, и большие глаза взрослого задумчивого ребенка за это время ни разу не вздрогнули. Зерцала были настолько велики, что казалось, девушка раскрыла их вопреки возможностям, взгляд казался глубоким, даже сквозным.

Анестезия производила впечатление очень красивой, но не очень умной. На самом же деле ум ее проявлялся не часто, но неожиданно и веско, порой навевая догадку, что девушка только притворяется поверхностной. Застигнутая врасплох или, напротив, сама заставшая кого-то, она внезапно превращалась из просто хрупкой в сильную хищницу, а большая извилистая улыбка подсвечивала в тот момент смуглое лицо стервозным светом. Такая переменчивость выводила из равновесия, путаные тропинки ее коварства могли легко вытолкнуть тебя в объятия головокружительной фобии; а она выглядела совсем не причастной к происходящему.

Черные волосы и сажное платье сейчас идеально оформляли правильные черты, чудный изгиб спины подсказывал в ней причастность к хореографии.

Настя отвела взгляд, точно осекшись. Глаза вобрали крохотный кофейный стол чуть позади солярия, на его почти зеркальной поверхности лежала длинная стеклянная граненая трубка, а подле зловеще притихли две кривоногие солонки, наполненные отнюдь не солью. Там же аккуратным рядком пузато высились несколько крохотных склянок темного стекла, отчего не было видно – полные они или порожние.

«…правая – разбудит, левая – заснет…» – прозвучал где-то в хитросплетениях высокого лба ломающийся голос Липы.

Анестезия в несколько движений передвинулась поближе к предмету наблюдения. Осторожные пальцы ухватили скользкие бока трубки, с любопытством поднесли ее к глазам. Еще мгновение – и Анестезия зачерпнула тонким кончиком находки сыпучее содержимое правой солонки. Потом с удовольствием покрутила перед глазами состоявшееся соединение. Уголки губ девушки вздрагивали, но улыбнуться она не решалась. Странная мазь, предложенная ей бесноватой блондинкой, холодила виски, непостижимым образом ускоряя течение вкрадчивых мыслей.

Настя словно ожила, движения ее ускорились. И вот противоположный конец трубки ловко оказался в мерно дрожащем отверстии ноздри спящего. Секунда, и на спелых губах злодейки расцвела шикарная, но злая улыбка. Углы комнаты изумленно вздохнули, и бесшумное дуновение отправило порцию загадочного песка глубоко во внутренний мир подопытного.

* * *

Сознанием своим Арсений был далеко отсюда.

Нагое тело, взметая за собой снежное облако, во всю прыть бежало по нетронутой ломаной поверхности, иногда встречая узловатые уродливые деревца, словно случайно растущие из кривой линии цвета мела, негусто залитого чернилами. Протяжно каркали вороны, гнездилось свербящее ощущение, что вопли их раздаются не в небе, а внутри головы. Спортивная мужская фигура старалась подпрыгивать выше, согреваясь в подскоках, протяжный шлейф пара завивался вокруг розового торса и тянулся далеко за плечо. Дом, откуда человек вышел, скрылся в неизвестном направлении, голый несколько раз уже пытался вернуться, принимаясь остервенело бежать назад, время, казалось, шло, но фиолетовая гладь и кривь по-прежнему простирались во все стороны. Зубы стучали, мозг лихорадочно бился о стенки стылого черепа, с удивлением вспоминая, как минут десять назад морозно еще не казалось, а стало именно так, стоило об этом подумать. Свет вокруг выглядел белесым, определить точное время суток не представлялось возможным, а человек пытался отыскать хотя бы свои старые следы, но пространство кругом продолжало оставаться нетронутым. Бегущий одной рукой сжимал гениталии,

предполагая сохранить их в заданных условиях любыми способами, вторая рука ритмично резала воздух, корректируя хаотический, но фанатичный полет тела из точки А в точку Б. Заиндевевшие брови подчеркивали вытаращенные глаза, которые плакали от холода, но слезы стеклянным виноградом тут же застывали на рубиновых щеках.

Человек бежал изо всех сил. Пожалуй, это единственное, что ему оставалось, чтобы мигом не окоченеть, в телесной клети отчаянно бесновался инстинкт самосохранения. Первый раз случился в его жизни край, за которым кромешная тьма, приблизился вплотную к каменеющим мышцам, к захлебывающимся морозом легким, к саднящим колкой болью вискам и лобной доле.

Он не мог поверить, что это происходит с ним, а вместе с тем непоколебимо был уверен, что оформившаяся данность несомненно реальна, отчего отчаяние хватало его под руки и мощными рывками швыряло вперед по обжигающему снегу.

Абсолютно неродное холодное солнце, точно сквозь толщу многочисленных призм, равнодушно светило навстречу, и на него можно было глядеть, почти не щурясь. В какой-то момент по причине безысходности человек выбрал эту огненную точку в качестве цели приложения усилий, несся к нему, но светило виделось непривычно далеко, отчего состояние «не по себе» лишь усиливалось, а теплее не становилось.

«…Что же это… я бегу или стою на месте… – разъярился замерзающий, вкладываясь в очередной прыжок вверх и мучительно не желая приземляться, – когда же будет хоть что-нибудь… что угодно – пусть хоть кладбище…»

Странная мысль получила продолжение. Впереди кучно наметился шипастый кустарник, издалека напомнивший колючую проволоку, за ним местами прорезались кривые, нагие, точно мертвые, деревья, и стоило обмороженному телу приблизиться, как припорошенный снегом, чуть покосившийся, но отчетливый среди них проступил щербатый могильный камень. Находка на секунду остановила в истерии мечущееся тело, на миг оно замерло, проверяя показания глаз, и продолжило путь, с мрачной решимостью вцепившись в недобрую растительность. Черные разводы наполнили ладони, в колючих зарослях обнаружилась невысокая кладбищенская ограда, кованая и исполненная множества витых элементов, покрытая какой-то седоватой ржавостью.

С немым рыком, который должен был прогреметь, но даже не прозвучал, человек перевалился через препятствие, капая на фиолетовую бель кровавою смолой, упал вниз головой и почти сразу же оказался опять на ногах. В несколько рывков он достиг могильного камня, озябшие ладони заскребли по мертвой поверхности, которая в самом своем центре вдруг лукаво проглянула женским лицом, озорно улыбающимся с цветной фотографии, переведенной на каменную основу. В обрамлении снежных хлопьев, продолжая их светлыми локонами, независимо лукавый образ чему-то счастливо улыбался, всем своим видом давая понять, что знает себе цену и простых решений не обещает.

Со спокойным разумом, забыв на какое-то время о холоде, вгрызающемся в босые пятки, человек отступил назад, с некоторым удивлением всматриваясь в знакомые черты на розовом мраморе с узорной резьбой. Присмотревшись, обнаженный слезящимися глазами сумел разобрать фразу – «Ты пожалеешь об этом…», повторяющуюся и образующую рамку, но прочесть кольцеватую вязь повторно не смог.

Глаза его забрались чуть выше, и поверх печального камня он разглядел в снежных играх молодой метели еще пять разных по высоте, материалу и по художественному исполнению молчаливых надгробий, при виде которых опять в голове тревожно возопили вороны, мрачно заиграл церковный орган. Ближайший и расположенный чуть левее кельтский крест из цельного куска черного мрамора покосился, собрав на своей вытянутости снежные шапки. Издалека он виделся неуловимо гладким, таким же оказался вблизи и на ощупь. Посредине загадочного памятника, под легкой снежной вуалью выразительно улыбалась со снимка еще одна девушка, богатой сажей волос сливающаяся с крестом, ее смуглость черт подчеркивала крупный рот и большие глубокие глаза.

В испуге человек бросился к следующей скульптуре – высеченному из гранита крылатому серому ангелу, чье лицо не сразу удалось разобрать, но онемевшие пальцы отскребли точно мертвые черты и в пустых глазницах будто сверкнул интеллект. Каменные волосы ангела вились по-особому жутковато, легкую ухмылку невозможно было спутать ни с чем, а широкие крылья пребывали в завершении взмаха, отчего казалось, что глыба через секунду воспарит в небо.

Дальше – тянулся туда же бронзовый столб, высокий, в вертикальную полосу, похожий на продолговатую шестеренку. На самом верху, на ровной площадке, в

лучах скучного солнца представленный достоверной туфелькой с высоченной шпилькой. Дотянуться до нее казалось невыполнимым, но странным образом человек сумел разглядеть крохотное круглое фото хозяйки туфли и столба, размещавшееся в изгибе стельки описанного декора.

Пятой расстелилась большая веснушчатая плита красного мрамора, так же припорошенная. Ему пришлось основательно поползать, чтобы различить на гладкой сути плиты несколько отчетливых черт, при виде которых память легко заканчивала внешность той, чьим лицом и показался неоконченный рисунок.

А напоследок – окладисто разметался свинцовый цветок, большой, только раскрывшийся множеством родственных лепестков, богатый деталями, по-живому сочный, покоящийся на мощном стебле с двумя маленькими листочками. Сильные корни притягивали планету к цветку.

Подле этого изваяния, в отличие от прочих, земля была разрыта, широко и глубоко, так, что дно не виделось, проверять же его наличие не хотелось никоим образом.

«…Свежая могила…» – пробормотал кто-то, точно внутри собственной черепной коробки.

Голый человек опять осознал колючую стужу, распростершуюся на много километров вокруг. Пытаясь закутаться в синие ладони, он напоследок заглянул в распахнутый бутон твердого цветка и увидел еще одно лицо, мелко выбитое на благородном материале. Изображение было меньше малого, но содержало столь много нюансов, что само стремление разглядеть его детально казалось подозрительным. Но осознал Арсений это только спустя минуту. В тот же момент он тронулся дальше, углубляясь в кладбище, где, все реже расположенные, начали попадаться совсем ветхие памятники – с оторванными снимками владельцев, выцветшими красками, почти незнакомыми лицами. При этом все они и даже более знакомые оказались женскими.

Миновав еще сотню метров, бегун уже зашагал – по кочкам, помеченным снегом, иначе разглядеть их не удалось бы. Только соревнующиеся в кривизне деревья, без единого листа и напропалую черные, встречались на околелом пути. Они протягивали к нему свои множества рук в тот момент, когда он отвлекался, и замирали, стоило ему только воспрянуть умом.

Чуть дальше темнота стала полной, момент перехода от света к мраку человек не ощутил. Он ослабил мышцы ног и старательно сощурился вперед, опасаясь подвоха.

Вскоре, подрагивая от звуковых колебаний, из темноты умиротворенно выплыл угол каменного здания с большим окном, на треть охваченным морозным рисунком. Дрожь идентифицировалась в качестве музыки. Человек медленно подошел к раме, что заканчивалась подле его подбородка, но прежде, чем встать на цыпочки и заглянуть за ледяные узоры, он обернулся. Дальше трех метров видимость ломано иссякала, на идеально ровной горизонтали снега человек без труда различил свои следы, опять повернулся к окну, затем назад – следы исчезли.

«…и сейчас он там, крепко спит. Настя как раз должна начать его будить. В этом есть символизм…» – услышал человек, вернув свой взгляд окну и проникая за тонкую призму стекла.

В кухонной комнате, одетые в платья, с шальными взглядами и тяжелыми копнами волос, улыбаясь разной степенью лукавства, похожие лицами на детенышей травоядных, но при этом очевидные хищницы, в бессистемном порядке располагались шесть девушек. Все отчетливо знакомые и, более того, потягивающие агрессивное виски, передающие по кругу крохотный пузырек. При этом они выглядели недобрыми, и концентрированным злом разило от их извилистых улыбок и бледных лиц.

«…и не забудьте, что наш агнец – мужчина, и в нашей власти помучить его нашей наготой…» – откуда-то донеслось до него.

Демонизмом пахнуло из-за сросшихся оконных створок. Морозный рисунок, разбуженный дыханием человека, принялся заметно глазу шириться, захватывая все новые прозрачные территории, места взгляду и любопытству голого человека оставалось все меньше. Сопротивляясь очевидному, он ухватился за стену, в которую врезалось окно, и попытался подтянуться, нечувствительными фалангами цепляясь за почти гладкий кирпич.

«…и ты дрожишь, как приговоренный к смерти, чей приговор через мгновение исполнят. Можешь даже обмочиться или поседеть…»

Человек вдруг осознал, что усилий больше не требуется. Он престранно лежал теперь в несомненной горизонтали, обветренное лицо упиралось во вредное стекло, а с обратной стороны на него синхронно полыхали шесть пар глаз, незаметно оказавшихся дружно у подоконника.

Законы природы точно исчезли, кухня и фигуры в ней выглядели перевернутыми. Глаза девушек странно и фиолетово светились, таким же светом полыхали смазанные виски, и лица, несмотря на очевидную знакомость, показались посторонне чужими. Человек отшатнулся, вскакивая на ноги и пятясь. Вслед ему с треском распахнулись створки мистического окна. И вот уже оконная рама престранно улеглась на снег вместе с куском стены. Смутные фигуры с горящими взглядами и пронзительным хоровым визгом с дикой скоростью выстрелили из глубины перевернутой, но аккуратной кухни и припустили за сверкнувшими лопатками нагой спины.

Арсений помчался что нашлось сил, холод было сковал его, но тут же отступил перед кипящим желанием человека унести ноги. Он мчался сквозь тьму, слыша шорохи за спиной, совсем близко, слыша истерический многоголосый хохот, кусающий за икры и ягодицы. В памяти колыхнулось воспоминание о скором переходе к большему свету. Ничего подобного не произошло, в вязкой мгле он начал спотыкаться о кочки, по которым недавно уверенно двигался в проклятую сторону. Тем не менее скорость его развилась, хаотический бег протащил голое тело вдоль сутулых безымянных памятников.

Наконец он почти врезался в зловещее дерево, показавшееся исполинской женской фигурой с распахнутыми объятиями. Арсений понял, как душа уходит в пятки. Еще несколько таких силуэтов по инерции шатнули его влево, вправо и опять влево. Потом босая нога звонко споткнулась о свинцовый цветок, и улепетывающее туловище замерло в воздухе.

Ведьмы с раздирающим гиканьем промчались мимо, в то время как аккуратный трафарет ювелирно разрытой могилы поглотил белое живое пятно непролазной чернью. Сквозь эту чернь человека швырнуло вниз, точно весу в нем помещалось неизмеримо больше, чем было.

* * *

Вздрогнув волною от макушки до пят, почти со звуком распахнув глаза, Арсений пришел в себя, привязанный к солярию в квартире в Камергерском переулке. Он попытался сесть на своем ложе, но тонкая леска надежно заставила его остаться на месте. Взгляд смутно и в то же время детально сфокусировался на приметном лице Анестезии, что робко улыбнулась ему, убирая из поля зрения стеклянную трубку с припыленным краем.

Несмотря на то что пробуждение оказалось неожиданным и даже нервным, нельзя не заметить, что та, в чьем присутствии это произошло, мгновенно излечила его от побочных факторов и даже сделала возвращение в реальность приятным. Успокоившись, Арсений робко улыбнулся в ответ на большую улыбку Анестезии, с любопытством оценил свою наготу, множество едва заметных, но надежных пут.

– Привет, – промолвил он после минуты взаимного разглядывания. – Где я?

Девушка не ассоциировалась у него с опасностью. Происходящее напоминало эротическую игру, нагота его и маслянистый взгляд девушки дали неверные ответы на несложные мужские вопросы.

– Не узнаешь место? – пряча улыбку и изображая скуку, отозвалась Настя, сосредоточившись поочередно на хрупких левом и правом своих плечах.

– Нет. Я не был здесь… – оглядевшись еще раз, уверенно подтвердил Арсений.

Голова чувствовалась Арсению поразительно легкой, словно вместо нее болтался на нитке гелиевый шар, мысли же, напротив, почковались натужно и остро, причиняя легкую боль. Собрать логическим магнитом металлическую стружку разрозненных размышлений не удавалось.

– Был. Может, тебе не показывали эту комнату, – убежденно упрямилась Анестезия, ненадолго давая ему подержать собственный взгляд, после чего лукаво забирая его. – Я и сама не знаю, сколько в этой квартире комнат. А ведь я ее лучшая подруга с некоторых пор, – вкрадчиво намекнула девушка.

– Липа?! – Едва заметная судорога всколыхнула посмуглевшее лицо юноши.

– Она, – точно приговор огласила брюнетка, и глаза ее потяжелели.

– Как я оказался тут? – покопавшись в памяти, спросил Арсений.

– Не помнишь? – бесстрастно дразнила его девушка.

– Помню… немного… обрывки кадров… – это были снимки полные ультрафиолета, извивающихся фигур и бессчетных коктейлей, от влаги которых в скором времени набух деревянный угол барной стойки.

– И что ты помнишь, милый? – Фраза вышла и теплой и холодной одновременно.

– Кажется, я уснул в клубе на диване. Приехал туда после дня рождения друга. – Арсений засипел на окончании фразы, пришлось прокашляться. – Потом было много чего… Теперь кажется, что это были сны.

– Неужели? – Брюнетка мешала сарказм с равнодушием, каждую последующую фразу она эксперимента ради окрашивала в разные коктейли эмоций, с невидимым удовольствием разглядывая мимические реакции мужчины на свою игру. – И что именно тебе снилось?

– Сны… Никогда не видел так много и сразу, – признался Арсений, распознав в яростной сухости в горле обыкновенную жажду. – Я вообще их обычно не вижу… ночь как маленькая смерть. Дай попить, иначе слова мои меня задушат. – Опять колючий кашель. – Нескончаемая череда картинок долгое время… Быль и грезы!

– Может, помнишь что-то конкретное? – предположила девушка, таращась на него глазами непуганой косули.

– Настя, почему меня связали? – спросил мужчина, вдруг застеснявшись наготы.

– Принесу попить… – сказала Анестезия с серьезным выражением лица и в несколько шагов покинула комнату, так что Арсений ничего не успел сказать.

Бесшумно она прошествовала по длинному коридору цвета телевизионных помех, оттуда нырнула в зал и насквозь проникла в кухню. Там новоявленные ведьмы, медленно снимающие одежды, опять поочередно смазывали виск И и

методично попивали вИски.

– Он проснулся, – меланхолично поведала Анестезия, наблюдая, как последней – медленно и неуверенно оголяется Апрель, открывая незащищенные участки белой кожи, туго обтягивающей длинные, правильной резьбы субтильные чресла.

– Раздевайся! – сухо приказала ей голая Липа, уперев руки в выразительные бедра, выставив правую ногу вперед и глубоко дыша малой грудью с аккуратными розовыми сосками. Ее молочные пряди разметались по скользким плечам, а жесткий рот безумно улыбался перекошенной улыбкой. Волосы паха ее оказались примечательно рыжими под решеткой пресса в своем кратком рисунке.

Со спины незаметно подкралась нагая Интрига и резким движением увела молнию черного платья пиковой дамы далеко вниз. После чего та, мечтательно-хладнокровная, повела плечами, на секунду точно вобрав их в неширокий скелет. От этого платье соскользнуло и, чуть задержавшись на выпуклых ягодицах, покрыло собой аккуратные стопы с выразительными пальцами. Еще движение – и прочь умчалось нижнее белье, в тот самый момент, когда девушки замерли, как в старой детской игре, невольно любуясь тугой осанкой Анестезии, при тяжелой для ее конструкции груди, которая по очереди заставила их всех старательно выпрямиться.

Теперь все, кроме одной, остались только в серьгах, кое-кто еще забыл о кольцах. Хозяйка же дома пребывала в полноценной наготе. Она поймала ладонь последней ведьмы и дала ей широкий стакан с виски, а широкотелая Несусвета одновременно с этим заботливо смазывала ей виски колдовской мазью.

– Милая, ты прекрасна, – промурлыкала в правое ухо Интрига, самая миниатюрная из присутствующих, при этом – владелица выразительных широких бедер и аккуратной, но сильной груди при тонкой талии.

Анестезия улыбнулась самыми кончиками губ, разгорающийся взгляд невольно схватился с любопытным взором Елены, что забралась на барный стул. Она частично спрятала свою красоту, положив ногу на ногу и опершись на стол локтем, а бюстом – на собственную кисть.

– Ты как оголенный провод, – пошутила Липа в пользу Несусветы, тайфуном промчавшись промеж нагой плоти и восполнив содержимое стаканов.

Все засмеялись, смех этот родился пронзительным и безумным. Несусвета перестала стесняться и расправила плечи, горделиво полоснув подруг знающим взглядом.

Из ниоткуда пролилась музыка – низкая, тревожная, с шипящими звуками и пронзительными крещендо в самых неожиданных местах. Она не была громкой и быстро вросла в общий звуковой фон. Девушки ощутили в ней родственную энергию, так как телеса их, по-современному обточенные в худобу, невольно заколыхались, пытаясь изловить заложенный в трели ритм.

Они, как по команде, выпили, запрокинув головы, тепло пришпорило их взбалмошные рассудки, диалоги стали рваными, а движения порывистыми.

– У меня есть книга, – опять привлекла к себе внимание хозяйка дома, к тому времени накрасившая губы ядовито-красной помадой. – Кто-нибудь слышал что-нибудь про «Домашнюю магию»? Сочинение современной ведьмы, фамилия ее не указана, цифры тиража – тоже. Книга ни тонкая, ни толстая, с объемной разной информацией: приворотить, отворотить, привязать, извести, изменить очевидное.

– Такое может быть? – Брови Апрель взбились в недоверчивые дуги. – Ты серьезно? – Она переминалась с одной ноги на другую, моторикой изображая танцевальное участие.

– Более чем! – Липа холодно сверкнула на нее взглядом, мощным, точно потерявший управление грузовик. – Описаны и банальности вроде капельки менструальной крови в питье жертве – старый приворот…

– Что-то такое я слышала, – задумчиво втиснула Несусвета.

– …или прелестные штучки вроде перестановки к ночи обуви мужа мысами в разные стороны… – продолжала Липа, обнаружив в когтистых пальчиках желтоватую книжицу без обложки, с мелкими буквами и невыразительными картинками.

– Я думала, это выдумки, – параллельно удивлялась Интрига во все свое личико-сердечко.

– …а наутро обувь надо ставить правильно, пока милый ничего не увидел… – Липа распалялась, начав двигаться крепким телом, иногда проворачиваясь вокруг своей оси и закидывая тяжелую от волос голову в разные стороны.

– То, что скрепляется кровью, детка, не может быть выдумками, – чужим голосом отозвалась Вселенная вдруг, что мысленно находилась внутри себя. Пространный пожар души ее выдавал лишь огненный взгляд.

– …что кодирует твоего мужчину от возможной измены вне дома, – громыхала хозяйка дома, вдруг вперившись в массивную грудь Несусветы, точно увидела ее впервые. – А еще – яйцо, пожаренное на обратной стороне сковородки и скормленное вместе с толченой малостью скорлупы, что приводит к болезни любимого, вылечить которую можно, только накормив его яйцом, приготовленным правильно…

– Какая прелесть! – Красивое лицо Интриги вспыхнуло недобрым светом. Она перехватила бутылку с виски и принялась рысцой наполнять стаканы ведьм, нарочито цепляя каждую белым бедром, отчего жидкость расплескалась у всех. – Еще что?..

– Зеркало, на обратной стороне которого пишешь имя того, кто душу волнует. – Липа разломила книжицу в середине и увязла в ней взглядом по самые плечи, ссутулившись мощным телом и бесстыдно выставив вперед крепкий живот с глубоким пупком. – Потом ловишь отражением совокупляющихся собак… – Она хохотнула, вздрогнув выставленным животом, тем местом, где мелко подпрыгнула приколотая к загорелой коже платиновая ведьмочка верхом на метле из желтого золота. – Надо, чтобы милый глянул в зеркало, а потом ночью темной в лунном свете посмотреть туда самой…

– И?.. – Апрель возвышалась над всеми во весь нешуточный рост.

– …он твой! – воскликнула хозяйка дома. – Он! Твой!

Девушки встрепенулись от театральности момента, кто-то засмеялся, кто-то запрыгал, придерживая грудь, кто-то – не придерживая, кто-то выпил.

Музыка сменилась, став чуть менее тревожной, зато с нотками озорства, перекликая звонкие шумы с тонкими дурашливыми мотивами.

– А ближе к нашей теме? – подала голос дама пик, во всей своей странноватой при худобе выпуклости, надменно прогуливаясь чуть в стороне. Самыми кончиками пальцев она держала прозрачные грани широкого «Том Коллинз», точно позабыв о нем.

– Ближе к теме… – Замелькали странички в руках Липы, одновременно она заложила правую ногу стопою за левую, отчего образ ее преисполнился спортивного кокетства. – Во-первых, чтобы осуществить присутствие Арсена здесь, я отравила его прекрасным составом, который наносится на губы и через поцелуй усыпляет. Состав легко нивелируется витамином С. Чтобы не заснуть самой, я использовала апельсиновый сок, который предварительно выпила.

– Это тоже есть в книге? – Апрель проявила повышенную заинтересованность, облизывая длинные губы.

– Нет. Этот трюк я нашла в Интернете. Ничего сложного – сонные смеси, – отмахнулась Липа, продемонстрировав бессовестный затылок. – Из книги нам понадобится не так много… Здесь много бытовых уловок, иллюстрирующих то, что жизнь не так элементарна, как кажется. Везде и всегда все имеет значение, даже как поставить чашку – ручкой налево или направо, донышком вниз или вверх, пустую или полную… Если сложить несколько подобных бытовых алгоритмов, возможно завертеть любую семейную или другую жизнь в нужном направлении. А вот и оно… – Полет страниц прекратился, и она зачитала: – Воронка силы, или ведьмина воронка. Для создания условий потребуется не менее шести человек, ровно столько, сколько нас. Это техника генерации психической энергии. Ведьмы раздеваются и встают в круг, берясь за руки, танцуют и поют, представляя определенную цель. Рисунки движений и короткие куплеты песен – в этой книжке, кое-что я выписала. Рекомендуется использовать мази для расширения реальности, для расширения сознания, мазь эротическую, в случае цели перемещения – летательная мазь будет нелишней. Все это у нас есть! Необходим центр, идеальный вариант – жертвенный алтарь. Тоже имеется! – Она высоко подпрыгнула и спланировала вниз несколько медленнее, чем ожидалось. Ведьмы открыли рты, а Липа иступленно продолжила: – Концентрация энергии, таким образом, способна исказить реальность, или перенести танцевальную процессию в другое место, или осуществить некоторые

изменения с центром или жертвой, или оживить определенные силы. Словом, нет ничего невозможного, имеет значение лишь вера участников воронки в результат и количество участников. Надо выпить! – тут же отвлекла блондинка всех от раздумываний и схватила со стола чужой стакан.

– И какая у нас цель? – осторожно вопросила Елена, спрятанная по-прежнему в собственные ладони, вернувшись из глубин самой себя и вздрогнув, как была, на барном стуле.

– До дна, – сузила глаза в ее сторону хозяйка дома. Как только посудины опустели, заявила: – Запустить его в космос! Или одарить мужским бессилием. Что тебе нравится больше?

– Лучше в космос, – спустя мгновение отозвалась Елена.

Девушки дружно засмеялись, если можно назвать истерический взрыв подобным образом.

– Хочешь его оставить себе? – деловито поинтересовалась Липа, борясь голубым глазом с несгибаемым темным взглядом оппонентки. – Думаешь, пригодится еще маленький Арс?

– Жестокость зеркальна, – ответила девушка, спрыгнув со стула и сократив между ними расстояние. – Не боишься? – Ладони ее разбежались в стороны.

– Нет, – жестко отрезала Липа в ответ и шагнула ближе. – Но мы сейчас о другом. Оно делается гораздо проще и в «Домашней магии» подробно описано. Берется короткая нитка из нижнего белья мужчины, на ней делается узелок и ему же в еде подается. После чего помочь может только нитка оттуда же и без узла, и тем же методом отправленная внутрь.

– Надо взять на вооружение, – пискнула Интрига, трясясь миниатюрным телом в буйном смешке. – Навяжу за жизнь я узелков…

– Девочки, девочки, – взяла на себя управление эмоциональными потоками Несусвета. – Поменьше молний, я вас прошу. Думаю, мы решим, что с ним сделать, начав шабаш. И не кажется ли вам, что разговоров многовато? Пора бы

и к делу!

Апрель согласно кивнула, приподнимаясь на кончиках пальцев и опускаясь назад. Анестезия всем своим видом изобразила согласие и нетерпение. Все еще дурашливо смеющаяся Интрига сцапала со стола забытый ненадолго пузырек с мазью. Последний пробежался по кругу и оросил влажные виски ведьм. Весело галдя, они захватили с собой желтую потрепанную книжицу, полупустую бутылку виски, бокалы и двинулись дружной диаграммой в сторону коридора, что вытянул их сперва в подобие стрелки, а далее размазал о высокую черную дверь.

В тот же момент неопознанная ладонь со свежим маникюром в виде серебристых черепов на глянцевом черном фоне ухватилась за ребристую серебряную ручку с черноватыми прожилками, и едва слышный скрип известил о прибытии участниц на место шабаша.

* * *

Прозрачный мертвенный пластик холодил спину, спящие лампы близоруко таращились в голые лопатки, а острая леска впивалась в кожу, стоило чуть пошевелиться. Чудовищно хотелось пить, даже мысли о воде доставляли страдание. Арсений отчаянно отвлекался, пытаясь осмыслить неповоротливым мозгом, что все это может означать. Он пытался напрячь память, но последняя выдавала несколько неуверенных картинок в неоновой ауре, где в эксцентричный петлях, образуя единое действо, вились сплетения фигур. Затем вспомнилась Липа, одетая в белое, улыбающаяся нехорошей улыбкой в диванном углу, немые реплики ее большого рта… Но вот образы померкли. Явился сплошной пробел.

Дурные предчувствия отрывисто кружили слабую голову.

Высокая черная дверь распахнулась и гулко ударила в стену внутренней стороной. Комната наполнилась девичьим гвалтом, приглушенной бормочущей музыкой и короткими смешками.

Первой в комнате материализовалась хозяйка дома, прекрасная в атлетичной наготе и зловещая в нездоровом веселье. В беспокойных пальцах подпрыгивала

тонкая, болезненного вида книжица. Следующей аппетитно вплыла Интрига, прячась в светлые локоны. В руках ее позвякивали стаканы, нанизанные крутобоким множеством на цепкие пальцы. После проявилась фатальная Анестезия, с предостерегающей улыбкой и хлесткой осанкой, победоносно поглядывая на мир из-под пушистых ресниц. Ладони ее были пусты, а высокая грудь величаво играла с дыханием. Потом – Несусвета во всем своем телесном изобилии, собравшая черные волосы в тяжелый хвост на макушке, со смелым взглядом злодейки, решившей идти до конца. Ей доверили перемещение объемистой бутылки виски, где завивалась по кругу огненная жидкость, символично образуя крутую воронку. На предлинных ногах сформировалась высокая Апрель, острая, как шпага, прищуренная в недобром предзнаменовании. Наконец, выждав немного, эффектно и строго объявилась Вселенная, напугав обездвиженного Арсения пуще прочих, расплескивающая взором своим укоризну, при этом словно равнодушная к происходящему. Она несла себя и только себя, будучи прекрасной в особенной красоте и отчетливой в выдающейся открытости.

– Девочки… – ошеломленно выговорил мужчина глухо. – Девочки… – повторил он точно для себя, вытаращившись на голое изобилие, от которого голова мужчины закружилась, а разуму стало тесновато в пределах узкой черепной коробки. – Сперва попить, пожалуйста… – Казалось, куски гортани рвались изо рта, так хрипло прозвучало окончание фразы.

– Дорого-о-ой… – распаляющаяся от эффектного появления Елены и недовольная собственной ролью, протянула Липа. Острые пальцы ее изловили белый подбородок Арсения, бритвенные губы скоро приблизились и больно поцеловали пересохший рот, оставив алый укус на самом его основании. В тот же миг она отвернулась, жадно фиксируя реакцию Елены и явив миру лилейные и полные крови ягодицы.

Арсений онемел. Ситуация казалась нереальной. Множество столь разного нюдитета, наложенного друг на друга, несомненно знакомого и представленного ему для детального сравнения и анализа, сладко пытало разум, где ложкой дегтя расплывалось пятно туманности мотивов.

Арсению чудовищно, невыразимо хотелось пить… Словно почувствовав это, вперед выступила хладнокровная Анестезия и властно влила содержимое своего стакана в жадный рот привязанного, с удовольствием пронаблюдав его гримасу.

– Виски… – подтвердила она вопросительному взгляду.

– Голый… – пискнул кто-то, разгоряченный мазью, алкоголем и очевидностью.

– Luxura X5, – пронесся восхищенный рокот.

– Для храбрости… – опять пискнул кто-то.

– X7! – с достоинством поправила хозяйка современного огня, приняв спортивную стойку и предъявив значительные мускулы рук, ног и спины.

– Еще… – попросил Арсений.

Просьбу тут же исполнили.

В теле проявилась истома, алкоголь разлился до самых дальних кончиков самого себя, даруя спокойствие и легкость. Захотелось сигарету, если не сигару. Но девушки проигнорировали эту просьбу, развлекаясь комментариями увиденного. Глаза их были широко распахнуты, они не стеснялись своей наготы, будто случайно принимая самые откровенные позы, на которые только способно человеческое тело.

– Что происходит?.. – подал голос Арсений, ободренный виски и пробужденным мужским цинизмом, развивающим мысль о том, что настала минута точек над «i» и хорошо бы отнестись к ситуации положительно.

Девушки разом замолчали, вперив в него взгляды столь разной наполненности, что Арсения окатило холодным ветром от энергичных ресниц.

– Объясню! – холодно полоснула Липа. – Мы здесь, чтобы провести древний ведьмический ритуал. Основная идея – принести в жертву мужчину. – Сейчас же с нарастающей скоростью зловредная Интрига метнулась куда-то в угол и выключила основной свет, разбудив мелкие лампочки, натыканные по периметру стен и бьющие безжизненным бледным светом, от которого атмосфера сгустилась и народился мистический полумрак. – Выбор пал на тебя – уж очень жалкая у тебя душонка, да и подлости – через край, ну и вообще в мире мало изменится, если ты сгоришь на костре во имя какой-нибудь цели или вообще без

цели… – Липа хохотнула, хлестко описывая неторопливый круг вокруг пластикового алтаря. Подсвеченная мраком скульптурная открытость ее стала еще более манящей, как и формы прочих ведьм, мягко обложенные теперь вкрадчивой тенью, спрятавшей нагую нарочитость в почти картинную недосказанность. – Так что не обижайся, дорогой, что не спросили твоего мнения. Нам на него просто плевать!

– Что вам даст это? – хмыкнул Арсений, не веря своим ушам, но пугаясь металлического голоса Липы. Он знал ее буйную натуру и все же надеялся на присутствие рассудка в тонких застенках прочих голов.

– Вечную молодость, глупый, – отозвалась Липа. – А может, небывалую силу. – Она засмеялась, закинув голову к потолку.

– Или хотя бы новые ощущения, – поддакнула злючка Интрига, мелькнув коварным лицом в темноте.

– А если пытаться быть точной – неописуемое удовлетворение, – жестко подытожила хозяйка шабаша. – Женский перпетуум-хэппинесс. Слыхал о таком? Если ты не стал взрослым, чтобы нести ответственность за собственные поступки, придется лишить тебя такой возможности в принципе.

– Пахнет чем-то сладким, – подала голос, кажется, Несусвета.

Полумрак расширился, перестав определяться в границах, лампочки точно еще уменьшились, продолжая сыпать неуверенным светом, а одна из них, напротив, выросла, вспыхнув чуть ярче и олицетворив идеальную окружность.

– Луна… – ахнул кто-то из темноты. – Полная…

– И звезды… – грудным голосом отозвалась Анестезия.

Ощутимо стало прохладнее, показалось точно над головою высокое звездное небо и, словно природное дыхание, скользнуло по обнаженным плечам нетрезвых девиц, что принялись тут же стеклянно перестукиваться, наполняя прозрачные грани жженым вином.

– Почему ты поступил так… – вздохнул полумрак голосом Елены.

– Я готовился сказать тебе… – отозвался алтарь голосом Арсения. – Точнее, ей… о нас…

– Не слушай его, дорогая, – гневно вставила Липа, мерцая кусками льда на суровом лице за левым плечом девушки с багровыми глазами. – Вранье – его естественное состояние. Он прекрасно понимает, что я не подпущу его теперь и на метр, поэтому надеется обмануть тебя. Проблема в том, что этот его обман будет последним.

Елена выглядела задумчивой, мрак частично скрывал ее, пряча черты внешности и не позволяя понять эмоции.

– Я не прощаю такое… – шипела Липа.

– Такое не прощают в принципе, – поддакивала Апрель откуда-то сбоку. – Ты же понимаешь.

– Редкий мерзавец, – мелькнула в стороне Интрига.

– Я хотела быть исключением, – печально выдавала хозяйка квартиры голосом, пропитанным трагизмом. – И не учла одного… С каким животным имею дело…

– Да ну?! – запальчиво выкрикнул Арсений в ответ им всем. – Может, поговорим о вас? О том, чего не учел я в свою очередь? Отсутствие сердца в принципе. – Тяжелый, точно молот, взгляд рухнул на Липу. – И вечная месть эгоцентричной толстушки во все возможные стороны, несмотря на прошествие двадцати пяти лет. Да, да, жирная малолетняя Липа до сих пор контролирует это уже совсем другое тело. Не веришь?.. Задумайся, что же ты так увлеченно в свои тридцать восемь делаешь среди тех, кому двадцать пять!.. – Глаза его перескочили на Апрель. – Что уж говорить об отсутствии чертовой груди и комплексе отсутствия отца, тут уж ясно, что каждый мужчина виноват… Я не готов вину твоей матери тащить на себе весь остаток жизни. – Он недобро захохотал, насильно вобрав в себя оробевшие глаза Анестезии. – Ты была красива когда-то, но глупость и природная фальшь к ней плюсом привели к фальши внешней… Теперь я даже не помню, какой ты была! – Пришел черед Несусветы, и она, осознав это, потупилась. – Слишком мужской разум в твоей голове и слишком много

саморазрушения. Делай с ними что-нибудь, ибо датчики «алярм» вопят хором, когда ты рядом. – Свет как-то по-особому упал на Елену, а прочие ведьмы оказались в тени. – Не ожидал тебя увидеть здесь, среди этих сук! – Арсений облизал пересохшие губы. – Ничего не могу сказать, ты – цветок, чудесный цветок, и этим все сказано… – Все прочие подкрались поближе, чтобы тоже оказаться в легком зареве, что сгустилось подле солярия и молчаливой ведьмочки. Взгляды приблизившихся горели адским пламенем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korobenkov_roman/ved-ma-ezotericheskaya-kniga-kotoraya-perevorachivaet-predstavlenie-o-zhenschinah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить